

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

СВЕТОТЕНИ ДЕМОКРАТИИ

Политика и политики в советском обществе

ЕВРОПА ИЛИ ЕВРАЗИЯ!

СССР на рубеже

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

От ереси гонимых — к реализму реформаторов

ISSN 0320 8001

6/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ..»

2

Актуальная тема

Д. ФУРМАН. ОХРАНИТЕЛИ И РАДИКАЛЫ

12

А. СМАГИН, И. ЗАЛЫГИН. ТЕНЬ НАД ДЕМОКРАТИЕЙ

16

Эссе

Н. ШУЛЬГИН. КТО ОН!

20

Мы: страна в движении

М. ГЕФТЕР. ДОМ ЕВРАЗИЯ

22

История и современность

Ю. ОЛЕЩУК. БАРЬЕР ГУМАННОСТИ

28

Наши интервью

В. АБРАМКИН. В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

32

Наши публикации

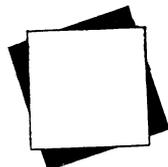
В. ВЕРНАДСКИЙ: «ПЕРЕСМОТРЕТЬ ВСЕ ОСНОВЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ»

40

Досье «Вена»

46

На третьей странице обложки — работа Людмилы Кремневой «Память жертв сталинских репрессий» с выставки общества «Мемориал» в марте 1989 года в Москве.

«Уважаемая редакция...»

Один очень занятый англичанин нам сообщил: «Сначала я просматриваю рубрику «Почта» и откладываю остальное чтение на потом». Редакция присоединяется к этому комплименту. И давайте вместе следить, какие из проблем, которые вы, уважаемые читатели «Века», успели «копнуть» в своих письмах, найдут развитие в первых в истории СССР настоящих парламентских дебатах.

Еще о столицах

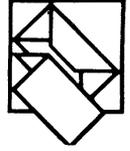
За живое задело меня письмо А. Купчинского, опубликованное в № 2/89. В письме говорится: «А столица России должна быть в Ленинграде — это всем понятно».

Русское государство существует с 862 года. В 1922 году Россия отказалась от части своего суверенитета в пользу образовавшейся федерации. Сейчас, вслед за Эстонией и Латвией (которым я от всей души сочувствую) не мешает и России подумать об утраченных ею признаках государственности. Ей предстоит обрести свои национальные цвета (белый, синий, красный), свой герб, хоть как-то связанный с ее историей, свой гимн (который, в отличие от герба и флага, вообще отсутствует, что нарушает Конституцию республики), наконец, такие «детали», как гражданство, дипломатию, вооруженные силы.

Но вот чего ей НЕ НАДО обрести, так это СТОЛИЦЫ, ибо столица у нее есть! Шесть с половиной веков Москва является центром страны, а Кремль — резиденцией главы Российского государства — от Ивана Даниловича Калиты до Виталия Ивановича Воротникова. И в им-

ператорский период, «померкнув» перед Петербургом, Москва осталась «первопрестольной столицей»: только короновавшись на ее земле, очередной император вступал на престол. Зачем переносить столицу, если теперешнее положение привычно, естественно, исторически оправдано? Но есть и другие моменты.

Петербург мог быть российской столицей, а Ленинград не может: дело в названии. Многие славные города, в том числе столицы, названы по своим основателям, реальным или мифическим: Рим, Константинополь, Киев. Это нормально. Но ненормально, чтобы столица тысячелетнего государства (одиннадцать веков за плечами и — даст Бог — сколько еще впереди!) называлась по имени человека, пусть великого, пусть сделавшего свою эпоху, но не явившегося ни основоположником данного государства, ни создателем его столицы. Петербург лишился своего имени в угоду конъюнктурным соображениям не в 1924 году, а в 1914. Название «Петроград» звучало нелепо и куцо. Название «Ленинград» звучит гораздо лучше, чем «Петроград». Это хоро-

шее имя для города, даже для «второй столицы» (конечно же, Ленинград — нечто большее, чем обычный областной центр), но никак не для первой, основной столицы Российского государства.

Идея перенесения столицы, может быть, связана с тем, что в Москве сосредоточены учреждения и СССР, и РСФСР? Но почему тогда речь идет о столице России, а не о столице Союза? Это было бы более логично. И если-бы кто-нибудь именно столицу СССР предложил перенести в Ленинград, я не то что бы сразу согласился с ним, но принял бы эту мысль как один из возможных вариантов. Да и несколько доводов мог бы предложить в поддержку. Во-первых, Петербург был построен как столица Империи, то есть чего-то в принципе большего, чем Россия. Но ведь и Союз ССР охватывает Россию! Во-вторых,

В. И. Ленин был причастен к созданию Союза ССР и его имя в названии столицы Союза естественно. Но это, повторяю, лишь один из вариантов.

Судьба нашего союзного государства остается неопределенной. К чему приведут нынешние споры, дискуссии, политические конфликты? Останется ли Союз федерацией, станет конфедерацией или чем-то вроде Британского содружества наций? В зависимости от этого, станет и вопрос о столице Союза. Может быть, потребуются, чтобы она стояла на «ничейной земле» подобно городу Вашингтону, не принадлежащему ни одному из штатов, или городу Ватикану — части Рима, не являющейся, однако, частью Италии.

Александр РАР,
научный сотрудник ВЦ СО АН СССР,
г. Новосибирск.

Зачем нужна была война?

Нелегко признавать свои ошибки перед лицом других. Но надо. Политические ошибки не то что грамматические — их невозможно исправить сиюминутно. Наша «интернациональная» миссия в Афганистане оказалась всего лишь авантюрной затеей. Нам не удалось достигнуть там самого главного — мира.

Мы ушли оттуда и хочется верить — навсегда. За девять лет этой необъявленной войны мы, наконец, осознали, сколько горя, моральных и физических потерь понесли народы двух дружественных стран. Дружественных? Тяжело признавать свои ошибки перед лицом собственного народа. Но надо. Это в равной степени касается как руководства Советского Союза, так и нынешних правителей Республики Афганистан (РА).

Что значит эта война для СССР?
Для меня лично как рядового ее

участника? Вернемся к началу этой кампании. Тогда, в 79—80 годах многие из тех, кто прибыл первым эшелоном туда, не знали, что они находятся в Афганистане и зачем. Не знали не только они — обманутым оказалось и все наше общество. По существу, решение о вводе наших войск было принято «могучей кучкой» политических деятелей и ею же реализовано с небывалой легкостью и быстротой, поскольку антидемократический строй в СССР не мог воспрепятствовать осуществлению авантюрной программы, принятой «инкогнито» сверху. Ни Генштаб, ни Академия наук СССР, ни другие государственные и общественные институты не могли помешать разворачиванию военных действий на земле Афганистана.

Могучее государство Советский Союз медленно катилось к пропас-

ти. Приближался общеэкономический кризис. И в этих самых условиях на напрягшиеся плечи народа легло тяжелое бремя войны. К тому же ситуация на международной арене складывалась далеко не в нашу пользу. Обострились отношения между СССР и США. Р. Рейган не скрывал от своих политических единомышленников, что задача на данный момент — втянуть Советский Союз в изматывающую войну в Афганистане, которая вызвала бы в стране экономический и моральный кризис.

Подсчитано, что каждый день СССР «терял» в Афганистане от одного до нескольких миллионов рублей. А людские потери в ходе боевых операций?! Во все концы нашего огромного государства шли цинковые гробы, которые исправно доставлял к месту назначения «черный тюльпан» (так называли специальный самолет, перевозивший убитых). Попытки ограничить наше военное присутствие в РА созданием гарнизонов ни к чему не привели. Кабульский режим Б. Кармала требовал участия наших войск в боях.

Выхода из безнадежной войны не было, да и не могло быть, пока у власти стояли те же, кто ее развязал.

15 февраля 1989 года вошло в историю как день окончательного вывода наших войск с территории Афганистана. Этого события ждал весь советский народ. К сожалению, оно вышло местного масштаба. Я до сих пор в недоумении: почему никто из советских руководителей не прибыл в Термез? Были дела поважнее? Или всему нашему обществу не хватило мужества признать себя виновным перед жертвами непопулярной войны?! (Сделали же это англичане, с почестями проводившие в последний путь своих солдат, убитых на Мальвинах).

По официальным данным погибло 15 тысяч советских парней и свыше 37 тысяч получили увечья и ранения. Однако полная ли это правда, считали ли убитыми на войне тех, кто умирал от ран и болезней в Союзе?..

Мы ушли из Афганистана, но мне не верится в это. Кажется, будто я оставил там что-то. Что? Два трудных года службы? Нет, что-то несоизмеримо большее. Я узнал истинную цену жизни и оттого стал больше любить ее. Я вынес отсюда очищающую боль и навеки воспаленное сознание.

Что значит эта война для Афганистана! Это прежде всего огромные потери и осложнение отношений между племенами и народностями. Сравнительно небольшая страна с ее 16 миллионами жителей потеряла убитыми свыше одного миллиона человек. Более четырех миллионов покинули свою родину, пополняя ряды вооруженной оппозиции. В республике были практически ликвидированы завоевания Апрельской революции. Свои права там можно восстановить только силой. А сила у того — у кого в руках автомат.

Оппозиционеры. Их мы долгое время называли «душманами». И тех, кто стрелял в «неверных», объединив в одном понятии русских и пуштунов, «предавших» ислам. И тех, кто просто ушел, разделяя участь ближних. Мы знаем, насколько противоречивы сейчас отношения среди муджахидов. В их стане произошел серьезный раскол. Одни сосредоточили свои силы в Пешаваре, другие — в самом Афганистане, третьи — на территории Ирана. Между этими тремя группировками порой происходят ожесточенные столкновения. Но основная часть оппозиции — четыре партии «непримиримых» — находится в Пакистане на специально созданных учебных базах в окрестностях Пешавара.

О лидерах оппозиции. О них я узнал от американского ученого Б. Рубина, который неоднократно бывал в лагерях муджахидов, ходил вместе с ними караванными тропами. Я приведу лишь некоторые фрагменты из его рассказа.

«Вождей можно четко разделить на три группы: первые — по религиозному признаку (их мобилизовал ислам), вторые — по племенным признакам, то есть защищающих ин-

тересы своего племени. Третью категорию я считаю наиболее важной, так как ее представляют пожилые и молодые люди — интеллигенция времен Амина. Эти вожди, как правило, пользуются значительной поддержкой местного населения. Их идеология — ислам, однако, он не похож на ислам прошлого — религию фанатичной толпы. Их ислам критикует и бичует несправедливость любого рода и, как они считают, способен устранить имеющиеся недостатки. СССР муджахиды рассматривают как империалистическую атеистическую страну, совершившую оккупацию, хотя они знают о современной политической обстановке в Советском Союзе и его миролюбивых конструктивных предложениях по сохранению мира.

Конечно, эти люди хорошо понимают, что они никогда не выиграют войну против СССР: слишком велико различие в силе; но зато они могут серьезно повлиять на позиции правящей партии — НДПА. Они считают также, что их сопротивление создаст в СССР внутренние трудности.

Маленькая, но важная деталь: подобного рода заявления лидеры оппозиции делали еще до объявления в нашей стране курса на перестройку.

К сожалению, сначала очень немногие понимали, что принесет нашим народам «военная миссия» в РА. Чем мы можем оправдать сегодня события, гремевшие почти десятилетие за южной чертой государственной границы СССР? Тем, что укрепила свои позиции НДПА? Но популярна ли эта партия среди афганского населения?

Первым ее руководителем стал мало кому известный тогда посол Афганистана в ЧССР Б. Кармаль. Очень скоро вдруг обнаружилось, что как политический деятель он не способен сделать ничего существенного, что отвечало бы интересам народа. Он был проводником политики застоя, скопированного с Советского Союза... И вот его отправили на «заслуженный отдых» в СССР...

Я ненавижу эту войну, не причинившую мне глубоких физических страданий, но вызвавшую другую боль — душевную. Я ненавижу тех, кто развязал ее и убил десятки, сотни тысяч людей. Мой великий народ, переживший столько войн в своей истории, поверил, что эта война особенная — «гуманная!» Какой жестокий урок нам всем!

Игорь ЕПИФАНОВ,
студент факультета журналистики
МГУ, «афганец»,
г. Москва.

«Кто виноват?» и «Что делать?»

Читали ли вы в «Комсомолке» от 17 февраля с. г. статью «Земляк»? Корреспондент помянул недобрым словом бывшего идеолога партии, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. Статья как статья. Сейчас трудно кого-нибудь удивить разоблачением бывших партийных бонз; натерпелись мы от монстров и пострашнее Суслова. Но вот что примечательно. Впервые в нашей прессе

назван один из развязавших войну в Афганистане. Наконец-то. Извечный русский вопрос «кто виноват?» поставлен. Но почему виноваты всегда только мертвые? Неужели уже умерли все, кто принимал это решение? Наше милосердие и такт в подобных вопросах не имеют границ. Но имеют ли право на милосердие люди, развязавшие войну, пославшие на гибель

тысячи юношей (я не слышал, чтобы хотя бы кто-то из нашей номенклатуры потерял там сына), имеют ли право на милосердие люди, пропагандировавшие эту войну, создавшие миф об афганской романтике (вроде «советского Киплинга» А. Проханова, а ведь он был в Афганистане, знал правду, но...).

За вопросом «кто виноват?» обычно следует вопрос «что делать?» Что делать с теми, кто вернулся с войны? И что сделают, если найдут? Этот вопрос беспокоил многих ответственных работников нашего безответственного аппарата. Но все же выход был найден. Однажды уже обманутые мифом об «интернациональном долге», «афганцы» были обмануты вторично. Шквал пропаганды обрушился на их головы. «Вы авангард перестройки, ребята! На вас вся надежда. Пока вы там воевали, здесь развелось много всякой нечисти — хиппи, панки, пацифисты. Работать не хотят, молодежь нашу калечат, от них все беды». И создают ретивые чиновники из отслу-

живших «афганцев» этикие ударные формирования под названием оперативных комсомольских отрядов. Они и демонстрацию разгонят, и на рок-концерте «порядок» кулаками наведут. «И пользу обществу принесете и навыки афганские освежите». И освежают. Со всей страны доносятся известия: там — «афганцы» панка повесили, там — хиппи постригли, еще где-то — «тусовку» разогнали.

Ставя «афганцев» в привилегированное положение, превращая их в «друзей милиции и КГБ», их отделяют от неформальной части молодежи, а затем натравливают друг на друга. Тут и там возникают клубы воинов-интернационалистов, отчуждающие «афганцев» от основной массы молодежи, превращающие их в странную секту «повязанных кровью» людей. Указывают на некоторые полезные действия этих клубов. Прежде всего, это помощь инвалидам и семьям погибших. Но ведь этим должно заниматься правительство, виновное в гибели и увечьях тысяч людей. Вторая зада-

Наглядная агитация. Фото Сергея Семенова (г. Правдинск Горьковской обл.).

ча — сохранение памяти о погибших. Дело, безусловно, святое. Нам необходимо помнить о них, чтобы не случилось повторенья.

Но вот третья задача — военно-патриотическое воспитание молодежи. И это, по меньшей мере, странно. У нас в стране многого не хватает, почти всего, но уж военного патриотизма — хоть отбавляй. Пионеры играют в «Зарницу», старшеклассники проходят курс начальной военной подготовки, студенты занимаются на военной кафедре. Все при деле! И это, не считая обязательной и почетной службы в войсках или на флоте. Еще и ДОСААФ существует. Охват военным патриотизмом стопроцентный и чуть ли не с пеленок. Но всего этого, оказывается, мало.

Обозреватель «Комсомольской правды» Е. Лосото в статье «Чтобы быть со щитом» обосновывает необходимость этого воспитания вообще совершенно диким способом: «Война показала, что когда-то имевшийся опыт подготовки юношей к службе в армии утрачен... Отсутствие такой подготовки обернулось для нас лишними жертва-

ми». Вот, оказывается, в чем дело, а я-то думал, что «жертвами» для нас обернулась глупость высоких руководителей и несовершенство государственной структуры, при которой мы не могли этой глупости помешать. Оказывается, война даже была нужна, чтобы проверить нашу боеспособность. Вот и призывают сейчас «афганцев» передавать «боевой дух» школьникам, ведь «наш бронепоезд стоит на запасном пути», и нужно быть готовыми к новой Венгрии, Чехословакии, Афганистану.

Как-то странно сопоставлять нашу внешнюю политику, где М. С. Горбачев призывает всех «жить дружно», с политикой внутренней, насыщенной явными милитаристскими настроениями. Почему же вместо того, чтобы возвращать в каждой душе ростки давно утерянного мира, мы так усердно подсушиваем «порох в пороховницах», совершаем ритуальные военно-патриотические танцы, брызжем гневной слюной при слове «пацифизм»? Кому у нас выгодно это?

С. РЕЧИНСКИЙ,
г. Киев.

Души прекрасные порывы

В конце августа 1969 года в Саратове произошло событие, которое всколыхнуло общественное мнение. Отзвуки того волнения дошли и до наших дней.

Что же произошло в конце того жаркого лета? Была арестована «Группа революционного коммунизма» в составе: А. Романов, студент 4-го курса исторического факультета университета, Д. Г. Куликов, физик, М. Г. Фокеев, студент 4-го курса биологического факультета университета, О. М. Сенин, студент 5-го курса заочного отделения юридическо-

го института, В. А. Бобров, студент 4-го курса юридического института и автор этих строк, студент 4-го курса юридического института. Был и еще один активный участник — Г. Федоров, студент 3-го курса медицинского института, скоропостижно скончавшийся в сентябре 1968 года.

Группа пыталась с помощью марксистско-ленинской методологии объяснить общественно-политическое состояние нашего отечества и выработать пути для его коренного улучшения. Наши намерения были самые благие. Мы следо-

вали завету А. С. Пушкина: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!»

Мы тогда еще не ведали, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Наша затея закончилась полным провалом, и вчерашние мальчишки превратились в политзаключенных.

Как это ни парадоксально, но годы, проведенные в мордовских политлагерях, считаю для себя самыми продуктивными. Ибо в те годы там было сконцентрировано все неординарно мыслящее, что было в стране. География была полной. Все республики молчаливо отправляли туда своих сынов и дочерей. Там были представлены все политические оттенки общественного мышления. За колючей проволокой мы получили право свободного обмена мнениями, научились выслушивать убедительные аргументы

противной стороны и отрабатывать свои штампы-заготовки на все случаи жизни. Это было время взлета общественной мысли и выработки общей концепции. И, пожалуй, самое отрадное, что эта концепция медленно, но уверенно претворяется в жизнь.

Прав был Артур Кестлер, считавший, что в мире существуют только две морали: одна — христианская, по которой каждая человеческая жизнь является высшей ценностью, другая — революционная, для которой существует абстрактная цель, и на достижение этой цели кладутся десятки, сотни, тысячи, миллионы человеческих жизней. Я благодарен Судьбе, что она увела меня в «стан погибающих за великое дело Любви».

**В. КИРИКОВ,
г. Саратов.**

Дружить по приказу

В 1980 году я пил чай с советскими солдатами. Тогда я был солдатом строительной части, то есть проходил военную службу без оружия, которая введена у нас в ГДР в 1964 году. Возле нашего расположения была каменная стена, за которой располагался свинарник одной советской воинской части. Там работали и жили солдаты, с которыми мы подружились. Наши контакты с ними были нелегальные. Мы жили рядом друг с другом, а все же обе наши армии не могли или не хотели создать возможности для встреч запросто, за кофе, за чаем или за вином. Ну, хорошо, пусть в нашей стране государством наложено табу на освещение жизни солдат строительных воинских частей, на мысли пацифистских групп и на тему замены военной службы альтернативной службой. И только церковные газеты сообщают о намерении «снизу» развернуть тему о введении в школах курса в духе мира

(в отличие от нынешней тенденции в детсадах к восхвалению «нашей мирной» военной техники, а также в отличие от «военного дела» в наших школах) и о необходимости ввести соответствующую социальную замену военной службе.

Однако помимо вопроса о строительных солдатах: не будет ли идеологически предписанная дружба между нашими странами лишь фразой до тех пор, пока советские солдаты в ГДР не получат, скажем, разрешения проводить субботу и воскресенье в немецких семьях, совместно праздновать, например, Рождество, словом, пока не будет возможностей для расширения контактов?

Может быть, только тогда дети (и учителя) будут лучше относиться к урокам русского языка как к обязательному школьному предмету. Может быть, только тогда молодежь узнает, что интересное и удивительное есть не только на Западе, но и

на Востоке. И, наверное, люди начнут сообща размышлять о значении советской перестройки и для ГДР.

Может быть, старым людям помогут ужиться с их прошлым. От тех людей, которые «должны были покинуть» вашу страну, мне приходилось слышать страшные вещи о военных годах. С учетом огромной вины нашего народа и идеологически предписанной дружбы наших народов наши старики никогда не смели громко рассказывать свои истории.

Не только чисто по-человечески понятно, но и необходимо, чтобы мы — люди из СССР и немцы, живущие с ними бок о бок в ГДР, — вместе, за одним столом, праздновали Рождество.

Из человеческих контактов растет мир между людьми. Я имею здесь в виду не просто вооруженное состояние без войны, а мир в человеческих отношениях и встречах.

Рoger ТОМАС,
г. Кив, [ГДР].

Кто следующий?

У большинства граждан СССР репутаны в сознании такие понятия, как нация и этнос, национальная и этническая культура, русская и русскоязычная культура. Между ними нет и не может быть тождества. Нация — это сообщество людей, живущих на общей территории и имеющих общую государственность. Из всех существующих в мире наций ни одна не имеет **национальной** культуры — тождественной какой-либо **этнической** культуре. Наиболее ярко несовпадение этнической и национальной культур проявляется в национальной культуре США. То, что такая культура существует, очевидно для всех. Ее невозможно спутать с английской культурой, хотя она англоязычна, в ней нет ничего общего с культурой коренного этноса — американских индейцев. Культура человека, на какой бы этнической основе она ни развивалась, обязательно впитывает в себя стиль и форму производственных, бытовых и нравственных отношений, сложившихся между людьми в данном регионе. Она восприимчива и к природно-климатическим особенностям

местности, где человек живет и растит своих детей. Поэтому в настоящее время на территории СССР существуют, как минимум, пятнадцать русско-язычных национальных культур, хотя, по моему убеждению, их намного больше. Отождествлять их с русской культурой не только невежественно, но и безнравственно, и политически опасно!

Нам понятно отличие английской культуры от англоязычных культур США, Канады, Австралии, Индии и других стран, каждая из которых имеет собственную национальную культуру. Но почему-то непонятно, что национальная русскоязычная культура Латвии отличается от русскоязычной культуры Украины и ничего общего не имеет с русскоязычной культурой Узбекистана. Страх русскоязычного населения национальных республик перед государственным статусом местных языков вызван также извращенным понятием о государственности. Да, при сохранении административно-командной системы управления народами, придание латышскому языку государственного статуса означает сме-

ну диктатуры русского языка на диктатуру латышского. В этом случае коренное русскоязычное население Латвии рискует стать чужим на родной земле. Но ведь придание языку «русской национальной окраины» статуса государственного языка национальной республики — это серьезный шаг на пути преобразования Российской империи в Союз свободных республик, а значит демократического преобразования всех государственных институтов. Без демократии невозможно самоопределение наций, в том числе культурное самоопределение. В настоящее время национальные республики, в том числе РСФСР, имеют право на собственную этническую культуру, но не имеют права на культуру национальную.

Я считаю, что государственным языком национальной республики должен быть один язык — язык так называемого национального меньшинства окраины России. В Латвии — латышский, на Украине — украинский, в Узбекистане — узбекский. Русскоязычное население в этом случае никак не будет ущемлено, так как государственным языком Союза республик остается русский язык. Практика официального государственного двуязычия на уровне республики в наших условиях приводит именно к полуязычию и национальному бескультурью. Русскоязычное население Латвии сможет полноценно развивать свою национальную культуру России. В противном случае, русскоязычное население Латвии, состоящее из многих этносов, так и останется на своей земле в положении иммигрантского национального меньшинства, даже составляя большинст-

во количественное. Пора понять, что все жители Латвии вольно или невольно являются носителями латвийской национальной культуры, независимо от того, на каком языке они говорят. Поэтому противостояние Латышского национального фронта и Интерфронта Латвии мне представляется нелепым и самоубийственным для тех и других. Нельзя забывать, что фашизм расцвел в просвещенной Европе тогда, когда коммунисты сосредоточились на борьбе с социал-демократами...

Подобное противостояние невежественных амбиций нарастает на Украине. Здесь все чаще слышны лозунги «Украина для украинцев». В центре Днепропетровска выставляется в витрине газета «почитателей украинского языка», в которой с грамматическими ошибками обличаются местные «бесы», меняющие украинские вывески магазинов на русские. В газете Днепропетровского обкома партии «Днепровская правда» из номера в номер печатается псевдоисторический роман Б. Сотникова «Особый режим», пропитанный животным антисемитизмом. В городе растет популярность неонацистской «Памяти». Русские горе-патриоты здесь уживаются с украинскими на общей платформе антисемитизма и мракобесия. Большинство окружающих меня людей не осознают, что происходит. Одни говорят, «бедные русские, отовсюду их гонят», другие — «гнать их надо с Украины вместе с жидами». Десятилетия лжи и умолчаний сделали людей беспомощными в решении элементарных мировоззренческих вопросов.

То, что политические и социальные противоречия социализма выливаются

са сегодня в межнациональную вражду, не может оставлять равнодушным каждого здравомыслящего человека. С невежеством в межэтнических отношениях необходимо бороться сейчас, не дожидаясь кошмара погромов и комендантских часов. Если эту стихию не остановить, то свертывание демократии в СССР и возвращение к военной диктатуре станут неиз-

бежны! Об этом нужно кричать, пока еще есть возможность быть услышанным!

Р. С. Только что программа «Время» передала туманное сообщение о национальных волнениях в Грузии. Кто следующий?

Илья ДАЧКОВСКИЙ,
г. Днепропетровск.

Представьте: ее нет!

С недавнего времени я стал регулярным читателем вашего журнала «Век XX и мир»; он мне кажется очень живым, смелым, интересным и хорошо отражает важные перемены, которые сейчас происходят в вашей стране.

Меня особенно заинтересовало письмо Бориса Можаяева в первом номере за 1989 год. Можаяева я давно читаю и глубоко чту. Его письмо о Солженицыне поражает своей смелостью. Однако одно утверждение в письме не точно и, по-моему, было бы полезно исправить его для ваших читателей.

Можаяев пишет: «Что же касается цензуры над порнографией, над государственной и военной тайной и проч., то она существовала и существует почти во всех странах мира».

В тех странах, которые я хорошо знаю, во Франции, в Англии, в Швейцарии нет никакой предварительной цензуры над печатью. Она существ-

вует лишь над фильмами. Существуют кое-какие ограничения для публикаций, предназначенных для юношества.

Все мы знаем, что нет объективных пределов в таких вопросах: Флобер и Бодлер подверглись суду за порнографию. То, что меня шокирует, другого не шокирует. И хотя я, как человек верующий, противник порнографии, и в то же время, как гражданин, я противник любой цензуры.

Владимир Набоков пострадал от такой цензуры в Соединенных Штатах. Первое английское издание «Лолиты» вышло в Париже. А ныне «Лолита» принята всеми.

Вопрос — по-существу — наверно, еще спорный. Но факт фактом: во многих западных демократиях не существует никакой цензуры. А этим отсутствием цензуры мы очень дорожим.

Профессор Жорж НИВА,
г. Женева, Швейцария.

Этот номер выходит вслед за сессией Съезда народных депутатов СССР. Выборы депутатов на этот Съезд — первые демократические выборы со дня образования СССР — обнаружили мощный рост политического самосознания граждан. Какие новые силы пришли в движение? Что обещают нам и какие опасности таят в себе эти силы?

Этой подборкой мы вторгаемся в terra incognita — в формирующуюся карту нового политического спектра СССР.

ОХРАНИТЕЛИ

Дмитрий ФУРМАН

И РАДИКАЛЫ

Странности политического спектра в СССР

Любая попытка определить, кто у нас «левые» и кто «правые», наталкивается на непреодолимые трудности. Попробуем определить, какое место в нашем политическом спектре занимает, скажем, Солженицын. Вроде бы, по всем формальным признакам он — правый, раз Октябрьскую революцию он прямо проклинает, а февральскую — «не одобряет». Но назвать его правым как-то язык не поворачивается, да и ничего это не дает, ибо ясно, что он куда ближе к апеллировавшему к идеалам революции Твардовскому, чем оба они, например, к Кочетову. Нам легче сказать, кто «левый» и кто «правый» во Франции, чем сказать, кто правый и левый у нас. Ясно, что Жискард д'Эстен правее Миттерана, а Миттеран — Марше. Но Ельцин правее или левее Ли-

гачева? Горбачев — левее или правее Брежнева? Что же произошло с нашим политическим спектром? Когда традиционная классификация перестала работать?

* * *

До Октябрьской революции общеевропейская классификация политических направлений на «левые» и «правые», возникшая во время Великой французской революции, была вполне применима к России. Конечно, применима не идеально (например, кто «левее» — анархист или большевик, эсер или меньшевик?), но в целом все понимали, что такое «левый» и что такое «правый». «Левый» устремлен к «прекрасному будущему», «правый» — к «прекрасному прошлому», «левый» — интернационалист, «правый» — националист, «левый» — за свободу и равенство, «правый» — за порядок и иерархию, «левый» — атеист, «правый» — религиозен. Между крайне «правой», олицетворяемой «черносотенцами», и крайне «левой» располагались

Фурман Дмитрий Ефимович, родился в 1943 г., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады АН СССР, г. Москва.

все прочие. Ясно, что октябрист — левее монархиста-черносотенца, кадет — левее октябриста, меньшевик правее большевика. И опять-таки, как во всем мире, так и у нас было некоторое сходство крайне левых и крайне правых — сходство не в «векторе» идеологии, а в ее интенсивности. И те, и другие были — «крайние», непримиримые, бескомпромиссные. Терпимость, готовность к сосуществованию с другими идеологиями, к правовому регулированию борьбы за власть была скорее в «средней» части спектра, у нас, в силу особенностей политической культуры и социальной структуры нашего дооктябрьского общества, очень слабой.

Октябрьская революция означала победу крайне левой фракции политического спектра. Все прочие фракции, кроме этой крайне левой, ушли в эмиграцию или в подполье. Но это еще не означало, что классификация «левые — правые» перестала работать. В рамках крайне левой были свои совсем крайние. Для черносотенца, разумеется, различия между Троцким и Бухариным — это различия между «синим и желтым чертями», и тем не менее Троцкий был левее Бухарина: более интернационалистичен, более склонен жертвовать всем во имя будущего, менее терпим к сохранению старой иерархии богатства, более нетерпим к тем, кто правее... Когда же эта классификация начисто перестает работать? Во времена диктатуры Сталина.

Сталин — вроде бы, несомненный крайне левый. Он «построил социализм», «строил коммунизм», провел коллективизацию (до которой не додумался сам ультралевый Троцкий) и покончил с «остатками эксплуататорских классов». Но чем более он проводит в жизнь свою «крайне-левую» программу, тем более в его идеологии парадоксальным образом проглядывают «крайне-правые» черты. Этот «классик марксизма» все более отчетливо начинает воспринимать себя и воспринимается другими как новый Иван Грозный. Этот строитель коммунизма все более возрождает великодержавную политику, великорусский шови-

низм и антисемитизм. Ему славословят и европейские коммунисты и патриарх Московский и Всея Руси. Немало представителей дореволюционной «правой», ушедших в духовное подполье или эмиграцию (вплоть до харбинских русских фашистов), — люди, которым была глубоко отвратительна «кадетско-эсеровская говорильня» и чуть не погубивший Россию «еврейский шабаш», вдруг прозревают — тот, кто казался воплощением зла, как раз и не зло. «Великая русская смута» кончилась, и Россия вновь пришла в норму. И пускай идеология в России сейчас — странная, но «Россия остается Россией».¹ Сталин «ломает» традиционную политическую классификацию и выключает Россию из общемировой политической классификационной системы. Почему это происходит? Ясно, что здесь дело не в личности Сталина. Дело в причинах значительно более глубоких.

Прежде всего, дело в том сходстве «крайностей», о котором мы уже говорили. И крайне левая, и крайне правая — бескомпромиссны и нетерпимы. Для людей, психологически не приемлющих идейной неопределенности и терпимости, переход от крайне правой к крайне левой — легче, чем переход к умеренно правой. И это сходство становится все больше по мере того, как левая диктатура укрепляется и ожесточается — «говорильни» становится все меньше, порядок становится все более «железным». Но не только порядок, догматизм, иерархичность сближают сталинский режим с идеалами крайне правых. Происходят еще более удивительные, но совершенно закономерные «переходы противоположностей». Если крайне интернационалистическая идеология побеждает в «одной, отдельно взятой стране», оказывается важнейшим

1. Мне думается, что эта «двусмысленность» Сталина отражается в булгаковском образе Воланда. Для многих бывших «правых» Сталин был как бы Воландом — это самое воплощение зла, которое оказывается как раз и не зло.

источником ее силы, скрепляет многонациональное государство и обеспечивает ему поддержку интернационалистов за границей, то естественным образом она начинает приобретать националистическую окраску. Интернационалистический большевизм приобретает оттенок идеологии «Великой России». И как интернационалистическая идеология приобретает функции идеологии великодержавной, таким же парадоксальным образом революционная идеология приобретает функции идеологии традиционной — чем дальше в прошлое уходит революция, тем более ее идеология становится «верой отцов».

Сталинизм создает систему тотального террора, которая как бы пожирает самое себя — она уничтожает свой собственный правящий слой. Дальнейшее движение в сторону еще большего тоталитаризма, очевидно, было просто невысказано. От кровавого террора и чудовищного напряжения устали все — верхи не меньше, чем низы, и сразу же после смерти Сталина начинается движение к большей свободе, движение освободительное.

Но это освободительное движение сохраняет ту же «идеологическую двусмысленность», которая была присуща сталинской идеологической системе, от которой оно отталкивается.

Если есть распадающаяся, слабеющая тоталитарная система, всегда есть определенный спектр отношений к этой системе. Всегда есть охранители, либералы-эволюционисты и радикалы-революционеры. Такой спектр был, когда распалось российское самодержавие, возник он и в процессе распада нового сталинского «самодержавия». Но в нашей ситуации он находится в «ненормальном» отношении к спектру «левые-правые», причем буквальное содержание идеологических символов и их функции находятся в вопиющем противоречии друг с другом.

Наши охранители, как и все охранители мира, — за традицию, порядок, государственность, иерархию. Их стремления — диаметрально противоположны стремлениям тех, кто делал нашу революцию. Их психология неизмеримо ближе к психологии царских чиновников, чем к психологии Ленина, Бухарина,

Троцкого. И эта психология в какой-то мере прорывается наружу в идеологической символике — в любви к традициям русской воинской славы, в эстетических вкусах — отвращению к революционному искусству авангарда и любви к классике, в нелюбви к «гнилому Западу». Но как Сталин не мог стать просто «русским монархом», ибо основной источник его легитимации — все же в том, что он «верный ленинец» и «классик марксизма», так и охранители созданной им системы не могут просто отбросить «крайне-левые» революционные лозунги и символы. Нет ничего фантастичнее, чем Победоносцев, ссылающийся на авторитет Маркса и Ленина. Но эту фантастику мы могли наблюдать каждый день.

Наши либералы опять-таки, как все либералы мира, — за постепенное движение ко все большей свободе при сохранении преемственности институтов и идеологических символов. Им глубоко противен сталинизм, но они, как либералы прошлого — начала нашего века, боятся народных страстей и тоталитарных потенций экстремистских движений.

Либералы естественным образом ориентируются на демократические традиции нашей идеологии — на Маркса, поскольку он против прусской цензуры, на Ленина, поскольку он против бюрократии, против насилия над крестьянами, поскольку при нем в партии были дискуссии, внутрипартийная демократия. Поздние работы Ленина и Бухарина — их основные идеологические символы. И здесь, пожалуй, противоречий содержания символов и их функций — меньше, чем в случае охранителей, но все же оно есть и у либералов. Ибо наши либералы — функциональный эквивалент не Бухарина и даже не меньшевиков, а скорее кадетов. И пусть Милоков, опирающийся на ленинские работы, — фигура менее гротескная, чем опирающийся на Ленина Победоносцев, но все же — достаточно гротескная.

Либералы, с одной стороны, примыкают к охранительству, с которым они могут в определенных ситуациях блокироваться против экстремистов-радикалов, с другой стороны — к радикалам, с которыми они могут блокироваться против охранительства. Наши радикалы,

как и все радикалы — отвергают систему целиком, отвергают сами ее идейные и институциональные основания. Но тут получается что-то совсем чудное — никак не менее чудное, чем в случае охранителей. По своему отношению к системе они — революционеры. Солженицын — наш аналог Чернышевского. В увешанных иконами московских квартирах живут люди, психологически близкие к участникам марксистских кружков конца XIX — начала XX веков. Символика, которая когда-то была символом охранительства или, во всяком случае, лояльности, стала символом радикализма. И чем больше радикализм, тем больше противоречие функции идеологии и ее содержания. Самый крайний наш радикал — это человек, видящий в революции не просто «ошибку», досадное стечение исторических обстоятельств, а результат «жидо-масонского заговора» — это черносотенец, это ультраохранитель прошлого. При этом крайности опять-таки сходятся. Наши ультраохранители имеют несомненные «тайные симпатии» к нашим ультра-радикалам, т. е. ультраохранителям прошлого, занявшим в нашем «идеологическом танце» место ультра-радикалов.

Таким образом, мы видим, что все у нас «поменялись местами». Но значит ли это, что идет тот же процесс, который шел в России до 1917 года (или до 30-х гг.), но в обратном направлении? Отчасти — да, но лишь отчасти, ибо содержание идеологии не безразлично по отношению к ее функции. Когда маятник идет назад, он идет совсем иначе, чем когда он шел вперед.

Мы видели, что содержание идеологии и ее функции у нас противоречат друг другу. И если в центре нашего политического спектра это противоречие еще не так велико, то на крайних флангах оно совершенно грандиозно.

По настроению наш радикал — революционер, ибо он отвергает строй в целом и его легитимизирующие основания, но ведь основная легитимизация нашего строя — в революции. И значит, он отвергает саму идею революции. Поэтому Чернышевский мог звать Русь к топору, а его аналог во втором акте нашей драмы — Солженицын — может звать ее лишь к покаянию. Далее, радикал-нацио-

налист видит, что великим русское государство может быть лишь как основная часть Советского Союза, а Советский Союз может существовать лишь пока его идеология интернационалистична! Радикал запутывается в противоречиях радикализма — противоречиях объективных, созданных самой историей, и это ведет к своего рода бессилию. Поэтому-то наша перестройка возникает отнюдь не в результате давления радикальных движений. Царизм дал урезанные демократические права под дулом пистолета — после длительного революционного движения, в конце концов переросшего в революцию 1905 года. Наша верхушка пошла на демократизацию сама — в результате победы в ней либеральной группировки.

Если в слабости сопротивления в эпоху «застоя» проявились внутренние идейные противоречия и слабости нашего радикализма, то внутренние идейные противоречия и слабости охранительства проявляются, по моему, в слабости сопротивления перестройке. О сопротивлении перестройке у нас говорят очень много. Но мне кажется, что сопротивление это, — скорее мышиная возня с целью сохранить свои зарплаты, чем настоящая идейное сопротивление. Против Горбачева при тайном голосовании в ЦК — ничтожное меньшинство. Как при «застое» никто по-настоящему не боролся с системой, так при «перестройке» нет настоящей сознательной борьбы с ней. У нас нет ни настоящих «революционеров», ни настоящих «охранителей», готовых на смерть за свои идеи.

И опять-таки, дело тут не в личной, а в идейной «трусости». Во-первых, охранители вообще оказываются в трудном положении, когда либеральную политику проводит как раз та власть, которую они «охраняют» — не выступать же им открыто против ЦК КПСС. Но и это — не самое важное. Самое важное — что исповедуя, пусть формально, революционную идеологию, трудно быть настоящим идейным охранителем. Наш охранитель не может честно сказать: «Я — против власти народа, против прогресса, за автократию», как это мог сказать, например, Константин Леонтьев. Охранитель наш — такой же идейно

слабый, как идейно слаб наш радикал.

Таким образом, наше освободительное движение разворачивается при неизмеримо большей слабости и радикальных сил, с их потенциальными возможностями нового тоталитаризма, и охранительных сил, чем освободительное движение в царской России. Мне думается, что когда распадется система типа русского самодержавия, или система, созданная Сталиным, основная опасность — не в том, что она не распадется, — распад ее неминуем, как неминуема смерть старого и больного человека, а в том, что на смену ей может прийти какой-то новый тоталитаризм, опасность — в той духовной «инерции», которая возникает в ходе освободительных движений, так часто в истории «проскакивавших» состояние

свободы и вновь входивших в тоталитаризм — через эпоху Учредительного Собрания и жирондистов к Робеспьеру, через 1905 и 1917 годы к 1930 и 1937 годам.

Но сейчас очень много факторов помогают нам не «проскочить» открывающуюся перед нами свободу. Это и социальные факторы, и факторы международные, и факторы, связанные с общемировой идейной ситуацией. И один из этих факторов — те странности нашего политического спектра, которые мы пытались показать и которые ослабляют наши крайние, экстремистские силы. И может быть, эту «странность» следует рассматривать как великое благо, пусть купленное дорогой ценой, как одно из завоеваний нашей революции.

ТЕНЬ НАД

Александр СМАГИН,
Игорь ЗАЛЫСИН

ДЕМОКРАТИЕЙ

Есть ли шансы у политического экстремизма в СССР?

Среди многих терминов, которые вошли за последние годы в наш политический лексикон есть и такие, чье появление ничего кроме неприятностей не сулит. Один из таких терминов — политический экстремизм.

Нет ничего удивительного в том, что феномен политического экстремизма — «белое пятно» в нашем обществоведении, тогда как на Западе ему посвящены многочисленные исследования. Это естественно, поскольку у нас вообще отрицалась политическая борьба как таковая. Что, впрочем, вовсе не означало, что у нас совсем не было политической борьбы в реальной общественной жизни. Другое дело, что этого не «замечали» ни средства массовой информации, ни, конечно, наше обществоведение.

Из этого вчерашнего неведения сегодня растут две взаимосвязанные опасности для развития демократического процесса в нашем обществе. Первая заключается в том, что антидемократические, консервативные силы будут стремиться (и уже не без успеха это делают) возложить «вину» за политический экстремизм на демократию и гласность. Вот, дескать, до чего дожили, то ли еще будет! Важны тут, конечно, не стенания и мрачные пророчества апостолов тоталитарного «порядка», а то, что в случае широкого распространения этих взглядов и идей в массовом сознании, они могут стать серьезным тормозящим фактором процесса политических реформ. Еще Маркс предупреждал, что бюрократический интерес «знает, как очернить

право, — он выдвигает перспективу вредных последствий...».

Вторая опасность, тесно связанная с первой, состоит в том, что ярлык экстремизма может использоваться (и уже используется) слишком расширительно. В данном случае угроза исходит от тех же консервативных сил, которые, однако, размахивают флагом «защиты» демократии. И ничем иным, как их влиянием, можно объяснить появление некоторых формулировок в недавно принятом Указе Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», в частности, статьи 11 прим. Защищать демократию недемократическими (будем называть вещи своими именами) средствами — путь сомнительный и опасный. Справедливо писал Владимир Короленко еще в первые послереволюционные годы, словно предупреждал: «Нормально, чтобы в стране были представлены все оттенки мысли, даже самые крайние, даже порой неразумные. Живая борьба препятствует гниению и претворяет даже неразумные стремления в своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для данного времени, часто сохраняет силу для будущего».

«Виновна» ли демократия в политическом экстремизме? Наш демократический опыт, к сожалению, очень невелик. Зато многие страны Запада в конце 60-х — середине 70-х гг. пережили мощный подъем политического экстремизма в его крайней форме — правого и левого терроризма, а стало быть, мы можем рассчитывать извлечь полезные уроки из их опыта.

Анализ террористической активности в конце 60-х — середине 80-х годов показывает, что не существует прямой связи между терроризмом и демократической формой государства, хотя бы потому, что в то время, как в одних западных демократических странах в эти годы был подъем экстремистского насилия (Италия, ФРГ, Испания), другие его либо не пережили совсем, либо в очень незначительной степени (скандинавские страны, Австрия, Швейцария).

В тех странах буржуазной демократии, где террористическая активность была высока, она являлась в значительной

степени наследием тоталитарного прошлого. Но дело, конечно, не только в негативных политических традициях, но и в том, что современные буржуазные демократии не представляют собой идеальной модели политической системы, лишенной каких бы то ни было изъянов. Политическая система, сложившаяся на Западе, далеко не всегда успевает вовремя реагировать на изменения в социально-классовой структуре общества.

История доказывает, что рост экстремизма и терроризма, как правило, приходится на переходные эпохи, которые характеризуются радикальными изменениями в жизни общества. В эти эпохи происходит ломка экономических основ общества, его ценностно-нормативной системы, политических традиций. Те социальные группы, которые не могут или не хотят приспособиться к этим изменениям, переживают серьезный кризис. Происходит резкая радикализация их сознания и поведения, а это нередко выливается в экстремистские действия.

С конца 60-х годов этот процесс охватил новые средние слои буржуазного общества — интеллигенцию, служащих, студенчество, которые под влиянием научно-технической революции теряют свой прежний относительно привилегированный социальный статус. Вытеснение живого труда из производства, структурная перестройка экономики и вызванные ими массовая безработица и дальнейшая маргинализация делают все более драматичным положение малоквалифицированных и временно занятых рабочих, обслуживающего персонала. Так на Западе сформировался взрывоопасный элемент из значительных групп людей (это в основном — молодежь), которые в течение длительного времени находятся вне сферы труда, занимают положение социальных аутсайдеров.

Интересы этих социальных групп не нашли своевременного адекватного отражения в политической системе развитых капиталистических государств в 60-е годы. Практически не нашлось политических партий, которые встали бы на защиту новых аутсайдеров, имели бы развернутую программу работы среди них. К сожалению, догматизм и застылость идейно-теоретических установок не позволили в эти годы стать вы-

разителями их интересов и коммунистическим партиям Западу.

Испытывая недоверие к существующим политическим институтам и не ощущая адекватного внимания к себе, часть представителей этих групп пошла за идеологами терроризма, предлагавшими радикальное и быстрое решение всех проблем.

Итак, террористические группы, аккумулируя недовольство определенных социальных слоев, могут в переходные, кризисные периоды воспользоваться, с одной стороны, несовершенством конкретных политических систем в демократических государствах, а с другой, — отсутствием тоталитарного контроля за гражданами, ограничением свободы действий спецслужб, армии, отсутствием цензуры и другими проявлениями демократической формы государства.

Не представляет ли тоталитарное государство альтернативу демократии в плане обеспечения безопасности граждан, защиты их прав? Ни в коем случае! Тоталитарный режим, конечно, имеет больше шансов подавить с помощью силы так называемый оппозиционный терроризм, чем демократическое государство, однако, его политическая жизнь характеризуется таким разгулом ничем не ограниченного государственного террора, таким произволом в отношении граждан, что ни о каких гарантиях их безопасности не может быть и речи.

К счастью, правительства западноевропейских стран в 60—80-е годы не пошли по пути усиления политической реакции, что собственно и было одной из целей террористов. Специальные законы по борьбе с терроризмом, принятые на Западе, предполагали главным образом создание особых подразделений полиции, ужесточение наказаний за террористическую деятельность и другие меры. Однако репрессии против терроризма не сопровождались ограничением фундаментальных политических свобод. Более того, несмотря на отдельные злоупотребления, юридические органы стремились защищать гражданские права и самих террористов (например, в 1984 году четверо итальянских полицейских были условно осуждены за «плохое обращение»

с арестованными членами группировки «Красные бригады»).

Чрезмерное использование репрессивных методов борьбы против экстремизма и терроризма ни в одной развитой капиталистической стране в 60—80-е годы не доказало своей эффективности. Об этом убедительно свидетельствует политика правительства Великобритании в Ольстере.

Политическое поражение, которое потерпел терроризм на Западе к середине 80-х годов убедительно показывает, что демократия (даже несовершенная) способна успешно противостоять экстремистско-террористическим силам, не прибегая к тоталитаризму.

Опыт развитых демократий Западу свидетельствует, что демократия не «порождает» экстремистско-террористической деятельности. Однако было бы ошибкой утверждать, что политический экстремизм никак не связан с демократией. В отличие от тоталитаризма, демократия резко расширяет границы политической деятельности, и это практически всегда сопровождается большими или меньшими издержками.

Сумеет ли становящаяся в СССР социалистическая демократия создать демократический механизм противодействия экстремизму? Это будет зависеть от способности общества и государства выявить подлинные причины роста экстремистских настроений и действий. Прежде всего необходимо понять, что подъем экстремизма вызван не демократизацией и гласностью, а наследием тоталитарного прошлого и связан с теми радикальными переменами, которые задевают интересы определенных групп населения. Одни из них недовольны утратой прежних привилегий (бюрократия), другие не могут приспособиться к отказу от уравниловки, вызванную внедрением хозрасчета (некоторые слои рабочего класса), третьи впадают в отчаяние от крушения идеологических мифов и т. д.

В нашей стране ситуация серьезно осложняется к тому же тремя обстоятельствами. Во-первых, мы переживаем переходный период, что связано с определенными трудностями.

История экстремизма показывает, что вспышки разрушительных страстей ча-

сто связаны с так называемой «революцией ожиданий», то есть взлетом надежд на улучшение своего положения, порожденным у различных слоев общества социальными изменениями. И когда эти надежды не сбываются, происходит взрыв недовольства, способный перерасти в экстремистское насилие.

Нечто подобное происходит сейчас у нас в стране. Перестройка породила большие ожидания, но они далеко не всегда оправдываются. Это порождает недовольство, которое у части населения, к сожалению, обостряется несформированной способностью соотнести устремления и возможности с негерпением, низкой политической культурой.

Второе осложняющее дело обстоятельство связано с очень сложной национальной структурой общества и тем наследием, которое оставил «великий вождь всех народов» в области национальных отношений. На наш взгляд, именно на этой почве наиболее всего вероятны проявления политического экстремизма, яды сталинизма еще долго будут давать интоксикацию общественного организма.

В-третьих, отсутствие у нас механизма для легального политического оппонирования, трудности отражения многообразных социальных интересов в условиях однопартийной системы также может канализировать растущую политическую активность в сторону экстремизма.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что в последние годы наблюдается рост социально-политической напряженности в различных регионах страны. По данным ряда социологических исследований, например, крайне низка степень удовлетворенности жизнью у многочисленных групп людей, особенно это характерно для молодежи.

Как мы уже отмечали, нерешенные социальные проблемы — благоприятный фон для политического экстремизма и, скажем, стихийному экстремизму молодежных группировок в Казани, деятельности которых пока больше походит на организованную уголовщину, осталось пройти не такой уж дальний путь до политического бандитизма под какими-либо «идейными» лозунгами.

И если вовремя не выявить причины роста экстремизма, не определить пути разрешения тех или иных проблем, канализации политической и социальной активности в легальное русло, то «потенциал напряженности» может дать очень опасные террористические разряды.

Где же выход? Как бороться с экстремизмом и терроризмом? Думается, что для этого есть только один путь. Это прежде всего путь последовательного решения тех фундаментальных социально-политических проблем, которые могут стать основой терроризма. Это путь дальнейшей последовательной демократизации нашего общества, расширения легальных политических возможностей защиты различных социальных интересов. Это и путь решительной борьбы правоохранительных органов, направленной, однако, **не против прав граждан**, не против ненасильственных действий, в том числе оппозиционных сил, а **непосредственно** против тех, кто совершает насилие или подстрекает к нему.

Нужна, далее, максимальная гласность — как и все темные силы, политический экстремизм и терроризм не выносят света. Общественное мнение должно знать о грозящих демократии опасностях, в нем должны быть сформированы устойчивые негативные оценки любых насильственных действий, какими бы высокими целями они не прикрывались, и с чьей бы стороны не исходили. Заметим, что это достаточно трудная задача, поскольку длительное время мы, по сути, воспитывались как раз на лозунге «цель оправдывает средства», да и роль насилия в истории нашей страны была огромной. А все это служит благодатной психологической почвой для терроризма.

Альтернативой этому пути является свертывание наметившихся демократических прав и свобод под предлогом наведения «порядка», возвращение к временам запретов, преследований за инакомыслие, произвола партийного и государственного аппарата. Это и было бы единственным шансом успеха для политических экстремистов.

КТО ОН?

Николай ШУЛЬГИН

Элегантный лидер европейского типа? Борец за прогресс в стане консерваторов? Добряк? Альенде? Петр Первый? — Ипостаси, ипостаси...

Мы знали Горбачева как лидера, призывающего к новой революции.

Мы знали Горбачева, голосующего за указы о порядке проведения общественных мероприятий (собраний, митингов и т. п.) и о правах внутренних войск.

Мы читали речь Горбачева по поводу «дела Ельцина». И все это — он. Что Горбачев грядущий нам готовит? Вот слышно: коллективное руководство, коллективное руководство... Прекрасно. Но русский человек-то видеть политику через личность привык. Да и на Западе говорят: «политика Горбачева».

А что говорит он сам?

1989 год — год 200-летия французской революции. В начале года Горбачев выступил со следующим заявлением:

«В некоторых дискуссиях выдвигается вопрос о том, что для перестройки рамки социализма якобы тесны. Исполволь подбрасывается мысль о политическом плюрализме, многопартийности и даже частной собственности. Речь идет о якобы неспособности через перестройку раскрыть потенциал социализма. И в том, и в другом случаях речь идет о неверии в наш строй, в наш народ, в партию, в наши социалистические институты.

Не могу не сказать и о том, что под видом гласности предпринимаются попытки атаковать КПСС. Атаковать партию, которая разработала и предложила перестройку, которая сегодня возглавляет работу по демократизации, стимулирует все перестроечные процессы и которая сама переживает глубокое обновление». («Правда», 8 января 1989 г.)

Цитата очень важна. Тут бы какому-нибудь вольтерьянцу на Генсека и наброситься.

Здесь, мол, что ни фраза — то вопрос. Почему социализм несовместим с политическим плюрализмом и многопартийной системой? Разве пример Венгрии не доказывает обратного? И разве наличие частного сектора в экономике обязательно отменяет социалистический характер государства? — А ГДР? Неужели до сих пор кому-то неясно, что частная собственность — это форма общественной собственности, поскольку в обществе «абсолютно чистой» частной собственности просто быть не может? — Ведь «частник» для своего сохранения и преуспеяния необходимо должен учитывать общественные интересы — здесь общественная природа его собственности наглядно проявляется.

И вообще — что такое «социализм»? Разве разговоры типа «есть у нас социализм — нет у нас социализма», напоминающие известные рассуждения кинегероя о жизни на Марсе, разве поиск критерия «социальности» через 70 лет после его строительства не показывают, что слово «социализм», лишенное определенного содержания, нельзя использовать в качестве меры «социальной благонадежности»?

И почему критика КПСС — это «атака» на нее? — Демократия в том и состоит, что политические организации и профессиональные политики могут оцениваться гражданами столь же свободно, как и все другие виды общественных организаций — и специалистов. Нам было бы странным, если бы критика работы водопроводчика, чинящего наш кран, избражалась им как «атака» на его «устои»! С точки зрения демократии, разницы в возможности оценить действия водопроводчика и политика не должно быть: и то, и другое — формы обслуживания общественных интересов. Оценку дает потребитель.

Но скажем бойкому критику: успо-

койся. Остынь. Ты думаешь, что Горбачев столь прост, как тебе кажется? Он знает, что не справится человек там, где может справиться лишь время. Он знает, что время — лучший целитель общественных болезней. Это даже не он говорит — это время говорит его голосом. Меняйте же свое время!

Время — это люди. Люди — это кадры. А кадрами всегда недовольны. Казалось бы, раз кадры плохи, надо менять их сверху.

Нет, говорит Горбачев, — лучше ввести механизм, дающий возможность менять кадры снизу. Есть сила и необходимость — меняй. Нет силы — значит, ты сам плох. Значит, какого начальника ни дай тебе сверху, толку не будет. Все хорошие начальники без контроля снизу вырождаются. И снова будет у тебя плохой начальник. С чего ты начал, тем и кончишь.

Требование низов, чтобы лидер страны менял среднее звено — это проявление их собственной политической лени и слабости. Но для самих низов это требование выглядит как проявление их силы и активности. Вот политический парадокс! Слабость и лень воспринимают себя как силу и активность в выдвижении лидеру — демократу требования действовать недемократически.

Горбачев создает условия, позволяющие низам в постепенной борьбе за свои права нарачивать политические мускулы. Он дает шанс стать сильным. — Ты имеешь ровно столько прав, сколько сам можешь взять, — будь предпримчив. В борьбе обрешь ты право свое.

Десять лет Горбачева — и наше политическое процветание гарантировано. А что если бы Горбачев ориентировался на тотальные кадровые чистки? Ничего хорошего. — Раз почистит, два почистит, три почистит (беру идеальный вариант). А дело лучше не пойдет. Ибо при кадровых подарках сверху мы и через десять лет будем столь же политически слабы, как и теперь, а чистки имеют тенденцию к затуханию.

Кто попытается проплыть реку вместо нас — тот наш мнимый друг: мы так и не научимся плавать. Да и вообще, уровень начальства всегда отражает уровень народа, и обманываться на этот счет не стоит.

Стратегически верно поступает Горбачев, не делая главную ставку на чистку кадров сверху. А, может, его самого снимут, — как он однажды откровенно спросил в телевизионном репортаже?

Думаю, этого не может случиться потому, что Горбачев — идеальный центрист, и в этом разгадка его политической тайны. Когда господствует консервативная тенденция, он кажется радикалом. Когда поднимается радикальная волна, он кажется консерватором. Центр — естественное место Горбачева в политическом пространстве, созданном исключительно благодаря его активности.

Горбачев сначала казался радикалом, на деле будучи центристом, открытым «влево» (интересно, что политические «правизна» и «левизна» сейчас в русском языке имеют значение, прямо противоположное традиционному). Теперь он кажется консерватором, — а на самом деле, он стал центристом, открытым «вправо». При подъеме правой волны Горбачев левеет. При подъеме левой волны — правее. Он не дает ни одной из борющихся тенденций добиться абсолютного господства. Он примиряет противоположности.

Он — политический миротворец.

Ждет ли Горбачева хоть в каком-то смысле судьба Алленде? — Не думаю. «Либерал» Горбачев умеет проявлять и спасительную твердость.

Уверен в одном: досрочный уход Горбачева как лидера обернулся бы социальной катастрофой. Если из нашего политического пространства исчезнет идеальный политический центр, разграничивающий правый и левый антимиры, — они столкнутся в страшном взрыве жесткой диктатуры и окрашенной в кровь анархии!

Будем любить миротворцев.

ДОМ ЕВРАЗИЯ

Михаил ГЕФТЕР

Глеб Павловский. Я хотел бы поставить вам сразу вопрос, важный для каждого из нас в отдельности и для нас обоих, как для всех в этой стране, которая мучительно ищет сегодня свое лицо, отступая перед ликами, являющимися из ее глубины. Вопрос таков: кто мы?

Михаил Гефтер. Вопрос бьющий в точку наших бед и превратностей. Бурно обсуждая прошлое, мы как бы остерегаемся заглянуть далеко вперед либо отделяемся на этот счет расхожими фразами. Вроде бы будущее, каким бы оно ни было, — «западническим» или вовсе иным, сомнений не вызывает. Оно нам обеспечено. Но так ли?

Я не о ядерной развязке, не о разрушении биосферы, не о каком-либо другом планетарном катаклизме. Домашние напасти, разумеется, не отторжены от вселенских угроз, но и не исчерпываются ими. Как назвать эту нашу тревогу? Или она угрожающе безымянна? Чувствуем ее кожей, словами, услышанными на улице либо в печатном поединке; она вламывается событиями, от каких кровь леденеет (от крови же — сумгаитской, тбилисской — и леденеет), но, даже оставаясь неравнодушными, добираемся ли до сути?

В самом деле — кто мы такие? Мы как целое? Да и есть ли оно, это целое? Не призрак ли, не застывшее ли воспоминание? И мы сами — не чужие ли в собственном доме?

Уже в наименовании нашем какая-то неловкость. «Советский народ», «советские люди» — что это, национальность или верноподданство? Будучи французом, вы можете стать коммунистом, монархистом, клерикалом, оставаясь французом. Франция, абстрактно говоря, мо-

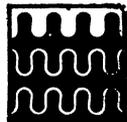
жет сменить свой строй, сохраняясь Францией. А мы, поскольку советские, то обязываемся ими оставаться, невзирая ни на что? Мы, выходит, навечно приписаны к этому идеологическому этнониму?

Слышу заранее реплику в ответ: благодарите «ваш» Октябрь. Не стану сейчас оспаривать, хотя и не отказываюсь от спора. Хотел бы только призвать к здравому взгляду на вещи: от себя не уйти. Некуда. Был Октябрь, были иные вехи. Был Сталин. Была и покуда есть сверхдержава — прижитое нами с ним детище. Теперь мы решились демонтировать ее. Не важно, что нужна заставила, все равно — сделан шаг вперед. Рубежный шаг. Символ его — уход из Афганистана: с последним солдатом мы вернулись к себе. Предположим лучшее — навсегда.

Г. П. Это похоже на «новый советский изоляционизм»...

М. Г. Не будем пугаться слов. Все зависит от того, какое содержание мы в них вкладываем. Если изоляционизм — это оторванность от того, чем живет и дышит, страдает и мыслит «остальной» Мир, то естественно отнестись к этому, по меньшей мере, критически... Но можно и иначе посмотреть на возвращение к себе. Тогда речь пойдет о другом: о другом образе Мира и соответственно — своем месте в нем.

Попробуем встать на зыбкую почву футурологии. Вглядимся в 2000-й. Два допущения: первое — мы уже не держава во вчерашнем, человекоуничтожительном смысле («безопасность» имела ведь и такой смысл); мы разоружились, не исключено, что односторонне, исходя из реалистической гипотезы: на наше территориальное существование никто не

посягает, как и на образ жизни, заново избранный для себя.

А вот и второе допущение, нелегкое, даже горестное для привычного сознания: XX век за это оставшееся время нам не догнать, на «мировой уровень» не выйти. Может, и построим квартиру для каждого, но будет ли в каждой у каждого персональный компьютер, более, чем сомнительно. Проблема хлеба насущного останется не один год на «передовой».

Теперь столкнем оба допущения. Переформулируем вопрос в исходном российском «чаадаевском» смысле. Скажем: даже не догнавши век уходящий, мы не лишены возможности изготovitься к XXI-му, и путь к этому — стать Миром внутри себя. Местом, где «развитое» встретится с «развивающимся» — не на каком-то очередном форуме, а в бытии, внутри собственной повседневности.

А наша повседневность — заведомо не от нуля. Это не сводимая ни к какому общему знаменателю разность жизненных укладов, представлений о собственности, отношений к труду, разность, образуемая природой и историей, речью и нравом. В ее корнях — столетия, тысячелетия. И наш искомый Мир внутри и древностей, и абсолютно нов: нов — как добровольное сообщество цивилизаций, как их согласие-диалог...

Но надо искать. Не откладывая. Ведь разнообразие — мираж, если оно сковано и собрано в целое однообразящей властью — традицией однообразия, ее замашками, ее институциональным обиходом, ее идеологией и психологией. Что упрямее в нашем дальнем и ближнем наследстве, чем это? В чем живучее сталинизм?

Г. П. Да, из нынешних наших споров как-то ушла сталинская борьба с многоцивилизационной Россией — не только с крестьянством, верой или обычаем, а с тем симбиозом российских земель, упраздненным еще до коллективизации, в ходе так называемой «административно-территориальной реформы», исходный пункт которой — 1923 год. Это была Россия земель и земств, местных учреждений, краев — и краеведческих

обществ, волостей — и волостных властей, наиболее приближенных к человеку и к его опыту. Были местные республики, были религиозно-трудовые коммуны — все это стерто с карты, как ластиком. И поразительно, что сегодня мы как бы принимаем сталинскую карту страны за основу перестройки, принимаем за данность этот унифицированно-безликий массив. Иногда мне кажется, что и современный либерал предпочитает такое стертное состояние общества, как белый ватман для своих реформ-иероглифов. Этакое бюрократическое эсперанто...

М. Г. «Бюрократическое»? Это слово не уходит с газетных полос, не сходит с языка в очередях и в избирательных декларациях. Но что означает для нас, в нашем доме — бюрократизм: волокиту, чиновное бездушие, некомпетентность, коррупцию? Это все внешние приметы, местная разновидность мирового монстра. Наш же монстр — с особой родословной, ибо в основе его — узурпация власти над человеком — власти, которой вообще не должно быть. Узурпация, а точнее, десоверенизация, вторгающаяся в элементарные условия человеческого сосуществования с претензией распоряжаться смертью и жизнью каждого.

Вы назвали дату — 1923 год. Вроде бы не из самых страшных год, но если пристальней, то как не опутить дыханье катастрофы? В самый канун 1923-го утверждается Союз ССР. Триумф, позади которого острые схватки. Сталинский план (окраинные республики входят в РСФСР) отвергнут, верх взяла ленинская идея объединения на равных началах. Ленина на съезде нет, он в лапах смертельной болезни, но еще не ушла речь.

Последняя программная диктовка — национальный вопрос. Начал диктовать 30-го, кончил 31 декабря. Там, на учредительном съезде — восторги, тут — апокалипсис. «При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкою...» Не говорил ли прежде сам: самоопределение

наций без права на отделение — фикция? И вот уже само это право видится ему самообманом, который в руках обманщика способен превратить в ничто интернационализм, задержать и изуродовать «завтрашний день во всемирной истории». Что же вместо? Назад к самоопределению без отделения, но только к непритворному самоопределению, охраняемому законом, культурой, развитием человека в массе? Либо и этого мало, нужно большее, еще неопробованное?

На расстоянии десятилетий проступает столкновение принципов. Первый: «мы» (правящий коммунистический центр) отдаем частицу врученной нам революцией власти разновеликим составляющим новой Евразии. Второй: «мы», разновеликие равноправные, по взаимному фиксируемому договором согласию уступаем центру то из своего (непререкаемого!) суверенитета, что обеспечивает общие интересы, гарантирует целостность и согласие.

Одно и другое «мы» — совместны ли?

Сегодня приходится признать: нет. Это даже не историк утверждает, не наш современник — это свидетельствует Сталин. Это он доказал несовместимость. Это он «довершил» предсмертный ленинский замысел уничтожением его... Преступник у власти все-таки случайность (хотя и из тех, что предусмотрены историей). Преступная же власть возвращается с непеременимостью к истокам, обвязывая заново взвесить альтернативу, столь страшной ценой проясненную.

Сейчас мы переживаем, судя по всему, последнюю фазу агонии сталинского массива, сталинской однозначности судеб — людей и народов. Руины прошлого также входят в наследство, и не только явные руины, но и запрятанные в человеке, рвущиеся страшными толчками наружу. Руины трех России: старой русской многоземельной — рухнувшей имперской — и недостроившейся, недостройкой погубленной, многоукладной «эпохской России». Руины — они же проблема. Во что мы, нынешние, собираемся перестроить свой дом — Евразию?

Г. П. Но сегодня, когда до следующего тысячелетия осталось меньше поколения срока, простая географическая

карта обещает нам совершенно иной Мир — и иных соседей, чем прежде. Европа завершает последние приготовления к интеграции 1992 года, когда возникает новая реальность, экономически труднопроницаемая для нас и для наших восточноевропейских союзников. Вулканический полумесяц мусульманского мира сулит одни неприятности. Турция — наш новый кредитор, а там дальше встанут еще два гиганта, две страны-региона — Индия и Китай; на Востоке же Япония! Когда Герман Лан в 1970 назвал книгу «Япония — новая сверхдержава», это воспринималось как рекламный парадокс. Сегодня — геополитическая банальность.

М. Г. Мы говорим о «мировом уровне», «мировом стандарте», но что это значит? Я понимаю это так: мировое (сегодня!) — это то, что нужно конкретным людям — у нас в России, в Америке или в Китае, в любом месте, причиняя при этом наименьший ущерб ныне живущим и особенно их потомкам. Этого не достичь никому в одиночку! Это проблема этнокультурного оптимума: вектора взаимобусловленных и совместно творимых различий. Не подражания, а особой идентификации себя в Мире...

Задумавшись, почему потерпевшие поражение в 1945 году действуют в этом отношении успешнее других? Япония — пример того, как страна входит, если уже не вошла в следующий век. Италия, сорок лет не выезжающая из нестабильности с остальным Югом, занимает ныне одно из первых мест в Европе. А ФРГ? Гитлер почти унифицировал Германию, сломав все обычаи, права и барьеры земель. Сегодня же эти городские и земельные различия — один из главных источников богатства и жизнеспособности разделенной страны. А мы, победители, застряли в той войне, в ее стереотипах, в ее комплексах и страхах. Освободиться от них нелегко, и не только людям моего возраста. Ибо есть властная связь между цеплянием за прошлое и легкомысленным отбрасыванием его. Что говорить, наследие наше — мучительно трудное, но и необходимое человеку, как дыхание. Вы правы — нас все теснее окружает будущее, и разные лики его содержат призыв: обрести свое Завтра, открытое соответственным различиям и в

меру этого гибко и нестесненно сопрягаем с будущим наших соседей по глобусу.

И наша Евразия — это не просто географическая данность, и даже не просто факт российской истории: тут не миновать и мирового контекста. В заложниках этого «факта» и этого «контекста» в конечном счете — мы все. Стало быть и проблема оборачивается другой стороной: как выйти из заложничества, из плена?

В рамках истории, или даже эти рамки окажутся тесными? Смею предположить, что и Ленин на рубеже ухода из жизни невяно рвался из этого плена, тщетно бился о заданные прошлым рамки. Как будто частности — предлагал наименоваться «Союзом советских республик Европы и Азии». Помышляла о расширении? Едва ли. Скорее, это попытка миновать тот идеологический этноним, с которого мы начали разговор. Скорее, — первообраз мира в Мире: идея, еще не имеющая плоти.

Опоздал ли Ленин? Не успел дотянуть «грузинское дело» до общероссийского, уязвивши нэп с Евразией? Это кажется очевидным. Но не праздный вопрос: не скрывается ли в этом опоздании нечто эвристическое, преждевременное, к чему еще надо было идти и прийти, как и к «нэповской России»? А на пути — заслоны. Не только позавчерашние и вчерашние, но и сегодняшние. И не только ведомственные шлагбаумы, но и духовные.

Ведь даже радикально мыслящие люди, как сговорившись, ищут по сей день одно-единственное решение для всех отечественных шпирот и долгот. Если не сплошная кукуруза, то всеобщий арендный подряд. Если не «коммунистическое» выравнивание бедностью, то «доллой альтруизм!» То, что не можем без очередного «изма», еще полбеды. Главная же беда — спотыкаемся на интеграции различий. Вот где нервный узел всех проблем (и опасностей!).

Г. П. Но у кого же нам и учиться интеграции, как не у Европы? Россия возникла на Востоке христианского мира с двойким обличем: страны, не причастной Западу — и не могущей отвлечься от него, вечно обращенной к Западу своими идеалами, мечтами, страхами.

С тех пор доньяне, ощущая себя Европой, мы оспариваем все европейское. Правда, сегодня мы спорим с Западом все неуверенней...

М. Г. А о чем спор? О чем спорили те, от кого «мы»? Думаю, что спор вращался вокруг человечества: быть ему или не быть? Именно — человечества, какое, по первичной догадке и по самой сути своей, — единственное. Оно — всё и все. И тогда ничего другого нет; в него равно входят и мертвые, и живые. Христианский Мир таким был «задуман», и мировая история в собственном смысле не что иное, как ряд попыток реализовать человечество. Несколько огрубляя, можно бы сказать, что сформировался европейский проект человечества, а вне и внутри его — российский. Мы говорим, естественно, о духе, об образах и идеях, но ведь не на пустом месте они. Как не вернуться здесь от проектов к самим Европе и России?

Они — откуда? Допустимо ли представить их порознь? Каждая определила собой другую. Россия, ставши целым, очертила и отграничила Европу, но и та, в свою очередь, Россией очертила Азию. Возникновение России — составная часть возникающего мирового процесса. Одновременная, непосредственная связь того и другого!

Не пора ли освободиться от предрассудка, что Россия это «просто» развернутая во времени и пространстве Русь удельных княжеств, где Москве провидение уготовило роль объединителя? Историк заведомо не упустит сказать о монгольском нашествии как о препятствии, подлежащем устранению. А между тем (позволю себе категоричность в гипотезе) без этого величайшего «выброса» Азии в Мир, без самоотката и самораспада Чингисовой державы, без оставленного ею в наследство пространства экспансии не было бы и России...

Любой народ, любая страна — заложники своих начал. Мы же — не страна. Мы — страна стран. Мы — наследники сугубо разных начал. Мы — кентавр от роду, встроенный напрямую в мировой процесс. Отсюда наша особая зависимость от судьбы тех проектов, суммарное название которых «человечество»: единственное единство. Но эти проекты, столь много давшие людям, на

наших глазах пришли к исчерпанию, к тому завершающему итогу, где жертвы, уже понесенные и угадываемые впереди, перевесили добытое во благо; и нет иного выхода из угрозы вселенского взаимного отторжения, чем стать (и остаться!) Миром миров, каждый из которых — суверенная проекция возврата человека из истории в эволюцию. Мы в России, затем в СССР были долгое время полигоном, на котором вновь и вновь испытывались на разрыв «чужие» и свои проекты человечества,— что ж дальше?

Переначать себя в качестве иного полигона? Либо прочь вообще всякие полигоны, и скромнее, и ответственной: определить, узаконить свое действительное призвание — «всего лишь» одного из многих миров в Мире?!

Всего лишь один из...— может ли быть цель человечнее и практичней, неопробованней и достижимее? Кровь прошлая и кровь последнего года зовут нас: не медлите!!

Г. П. Такая цель отличается благородной скромностью и, вероятно, более всего по душе нашим соседям. Но, признаться, я не готов согласиться с таким будущим. И подозреваю, с ним вообще трудно примириться человеку русской культуры.

Г. М. Я мог бы в оправдание сказать: не сразу пришли ко мне эти задевшие вас слова, кое-чем за них в жизни моей заплачено... Однако рассказ о себе — не доказательство. Но вот вам другое, более внятное: Тбилиси, 9 апреля 1989 года. Четвертая годовщина перестройки — и загубленные жизни, кровь безвинных. Я спрашиваю себя: что на наших сегодняшних весах весит больше — избирательный бюллетень или саперная лопатка, вдохновляющие результаты выборов, которыми перечеркнулись сугу-

бо разные прогнозы и расчеты, или провокация силы (иначе назвать тбилисскую ночь было бы непростительной ложью)? Не сомневаюсь — виновные будут названы, все до единого, и также — все до единого — наказаны. А народные депутаты уже подали пример поведения, отвечающего их званию и мандату. Однако — достаточно ли протеста и кары? Нужен следующий шаг: всеобщее обязательство не допустить повторения. Всеобщее, иначе повторений не избежать. Выводящее нас за пределы привычного, касается ли это Слова либо буквы Закона, нравственного долга наравне с конституционным устройством!

Мы очень избирательны в отношении к тому, что было. Вчера — «славься», сегодня — анафема. Соблазнительней изобличать призраки, чем обнаружить их неуходящую власть над собой. Вроде бы не лицемер увещивает ссорящиеся этносы: будьте терпимей! А знает ли сам, знаем ли мы все, как жить вместе? Врозь и вместе! Ибо без нового врозь — не будет и нового вместе, либо хозяином этого «вместе» окажется снова внутренний оккупант.

Воздавая должное усердию тех, кто, изучив подоплеку наших межнациональных отношений, прогнозирует их «горячие точки», я позволю себе усомниться в самой возможности предотвратить катастрофы локальными решениями. Путь к согласию — в открытости чувств и мыслей: но без доморощенного кулака и без «правоохранительной» дубинки!.. К должному и возможному идти от крайнего: а может, нам и в самом деле разойтись подобру, поздорову? Если же нет, если поперек этого взаимная выгода и Мир, легко детонируемый атомом и бунтом, то не избежать того, чтобы самоопределились заново в качестве це-

лого. Чтобы каждый народ, неограниченный хозяин своего дома и своей земли, условился с другими хозяевами о новом модусе сожительства, новом интеграционном «механизме».

В этой точке (убежден) сходятся все нынешние наши экономические, социальные, культурные напасти и проблемы. Либо мы станем творимой проекцией мирового сообщества, либо все, несть им числа, врозь взятые хозрасчетные единицы, кооперативы и индивидуалы, культурные сообщества и неформальные почины обречены на бесплодное, изнурительное оспаривание «сильного центра», а тот, в свою очередь, приговорен к нарастающему бессилию от собственной силы... Отчего погибли динозавры? Есть много гипотез. Я думаю от того, что они были динозаврами.

Начало начал — **Хартия согласия**. Она нужна и малым, и великим. В том числе и даже прежде всего русским, и именно потому нужнее, что трудней до-

станется, потребовав превозмогания самих себя. В качестве русских? Да, в этом качестве — русских, которые на самом деле разные русские, сибирские ли, уральские ли, рязанские или донские, русские латыши или русские евреи, которым мешают стать едиными в естественных различиях страшный и хваткий, как Вий, призрак единства властвующих: соучастников (и жертв!) распорядительства отечественными судьбами, смертями и жизнями. «Вологодский конвой шутить не любит» — эту поговорку довелось испытать на себе экам разных национальностей, а таится в ней угроза, адресованная без изъятия всем, не исключая, разумеется, и самих вологодцев.

Вчерашний день? Если бы так. Ему еще стать вчерашним — и условие этому: иное Завтра. Да, «всего лишь» **один** из миров в Мире...

Беседу провел Глеб ПАВЛОВСКИЙ

БАРЬЕР ГУМАННОСТИ

Юрий ОЛЕЩУК

Обсуждая сталинский период, мы обращаем недостаточное внимание на один из страшных — и актуальных для нас — уроков: выявившийся дефицит гуманности в обществе.

Трудно переоценить вину Сталина и его подручных за те ужасы, что обрушились на страну, равно как и роль репрессивного аппарата — самостоятельного источника бедствий. Но обращая внимание только на это, мы рискуем не разглядеть всего механизма террора и не суметь его демонтировать и тем обезопасить себя на будущее.

Террор не достиг бы чудовищного размаха, если бы не добровольное и рьяное содействие миллионов людей. Ни диктатор, ни «органы» не справились бы с террором, без «нашей» помощи. Было, было и наше **насилие над самими собой!** Да еще какой гигантский пласт жестокости обнаружился в людях...

Я только начинал жить в те времена (когда умер Сталин, мне было немногим более двадцати), но помню встречи с этой жестокостью. Мальчишками мы дразнили во дворе девочку, у которой арестовали и посадили отца, — «диверсанткой». Причем, иногда с настоящей злобой! Ну ладно, мы были дети. Но ведь родители нас не оставили. А сколько разговоров тогда велось, что кругом «вредители!» От разговоров тянуло жаждой расправы. А сколько доносили!.. Добровольно, инициативно.

Помню: уже в институте мы, студенты, исключили из комсомола и ходатайствовали об отчислении сокурсника, который читал «Анну Каренину» в западном издании «пocket-бук» (карманный формат книги). «Pocket-бук» у нас — независимо от содержания — шел как идеологическая диверсия. Мало того, что повод был диким, — сам посту-

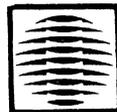
пок наш был каким-то бесчеловечным. Обрекая на долгие бедствия юношу, выкинутого из комсомола и института по политическому обвинению. Но мы не дрогнули.

Или — ехали как-то в метро и слышим: одна женщина жалуется на жизнь. И получалось у нее так, что все мы плохо живем. Стали ее урезонивать, а она — свое. И мы решили сдать человека в милицию за антисоветские разговоры! Что-то помешало — кажется, торопились... А как тогда относилась широкая публика к этим жутким посадкам на пять, десять, пятнадцать лет за любую ерунду? Без всякого возмущения, даже одобряли часто. Когда я учился в школе, около нее действовала шайка подростков-воров, которые грабили одиноких школьников. Их поймали — и дали по «десятке». Не было родителей, кто не говорил бы об этом со счастливым лицом!

Откуда появилось все это пособничество государственной жестокости? Откуда прямая и косвенная помощь террору со стороны массы простых людей?

Пособничали, боясь не пособничать? В иных случаях — несомненно, однако, в перечисленных, например, жестокость проявлялась явно по другой причине. Усердие мерзавцев? Тоже нет. Разве мы, студенты, были мерзавцами? Тогда, быть может, непонимание того, что такое отправить человека в лагерь на много лет? Вряд ли. Что такое лагерь — люди знали.

Современники не были сами по себе жестокими. Мы поддавались жестокому мировоззрению, распространявшемуся тогдашней пропагандой. Сталинское учение прививало людям дух безжалостности. Чего стоили поиски врагов повсюду — вовне и внутри? Или печально знаменитая теория обострения клас-

совой борьбы по мере строительства социализма? Или стандартное требование «беспощадной расправы» с врагами? Даже к «своим» сталинизм был крайне жесток. Категорически требовалось не щадить себя ради государства, не обращать внимание на людские издержки. Прививалось представление, что человеческая жизнь, даже не «вражеская», — пустяк.

Несомненно, масса людей оказалась плененной этой социальной дьявольщиной. Они не смогли противостоять сталинскому варианту марксизма интеллектуально — хотя вариант был примитивен и груб. Ведь тогдашнее общество было необычным. Из него почти полностью исчез культурный слой, интеллигенция. Старая — большей частью уехала, оставшиеся были запуганы и не смели открыть рта. «Новая советская интеллигенция» была невежественная. Интеллектуальный, культурный уровень общества понизился, и сталинизм легко овладел умами.

Но малообразованностью тогдашних людей все-таки нельзя объяснить их податливость жестокости. Пусть им было не по силам раскусить ложь и упрощенность теоретических выкладок сталинизма. Но в них должен был сработать иной барьер — гуманности. Ведь от «учения» так густо пахло кровью. А кроме того, оно так жутко, так отталкивающе разворачивалось на практике. Гуманный человек должен был бы просто отшатнуться от всего этого, не вдаваясь ни в какие споры, не ища изъянов в теоретических конструкциях. Он просто бы сказал «нет».

Ведь что такое гуманный, нравственно образованный, нравственно развитый человек? Это человек с системой «табу», когда речь заходит об отношении к людям. Жестокость, унижение человеческого достоинства, намеренное причинение страданий, пытки, низведение жизни и судьбы любого человека до пустяка — (пусть он хоть дважды враг народа; пусть — всего человечества) для него абсолютно не приемлемы. Какими бы доводами все это не прикрывалось.

И если миллионы и миллионы людей поддались сталинщине в теории и активно поддержали ее на практике — это значит, что в них не было барьера гуманности. При этом я вовсе не хочу сказать, что мы были по природе плохими. Наоборот, помню нас очень симпатичным, товарищеским народом. Однако между такими вот «по природе хорошими» и гуманными — огромная разница. Первые, в отличие от вторых — нравственно необразованные. Доброта и человечность в «сыром» первозданном виде могут оказаться очень ломкими. Они не опираются ни на какое убеждение, не имеют под собой опоры в виде осознания их необходимости для человеческого общежития. И потому их довольно быстро ломал индивидуальный жизненный опыт и антигуманное «учение». Первозданная человечность не знает себе цены и не умеет защищать себя — вот в чем беда. Только нравственное воспитание, нравственное образование укореняет человек в человеке, сообщает стойкость, превращает в реальную общественную политическую силу.

Наше общество при Сталине обнаружало мало такой стойкости и силы. Оно вообще оказалось, если так можно выразиться, в плохой «нравственной форме». Война 1914—1918 годов значительно ожесточила общество, а затем гражданская война его расколола («брат на брата» — куда уж дальше). И еще все тот же массовый уход из страны интеллигенции — слоя, который активно будировал нравственную проблематику. В глазах многих людей гуманизм утратил если не убедительность, то престиж действительности.

А уж Иосиф-то Виссарионович пострадался выгравить из общественного сознания это мировоззрение без остатка. Если у Сталина и был какой-то талант, то это именно специфический талант диктатора. Со сверхчеловеческой проныцательностью он умел распознать любое явление, которое прямо или косвенно угрожало его власти, и безжалостно его ликвидировал. Гуманность он вне всяких сомнений отнес к числу небла-

гоприятных для себя факторов. Она ведь мешала превращать людей в послушных «винтиков». Гуманный человек мог отказаться делать многое, что нужно было Сталину. Мог не захотеть быть жестоким. Мог счесть нужным кого-то простить. Мог отказаться видеть врага в том, на кого ему укажут. Без сомнения, стремление не оставить камня на камне от гуманизма объясняет тот свирепый разгром, который был учинен церкви. Жившие в те годы помнят, что вообще слово «гуманизм» было окружено официальным презрением. К нему часто прибавлялись эпитеты «мякотельный», «дряблый», «либеральствующий», а то и «буржуазный». Кажется, даже был изобретен суррогат — «боевой пролетарский гуманизм», означавший, что хорошим надо быть только к «своим». То есть гуманизм подменялся подходом, против которого не возразит и уголовник.

Если хотим исключить возможность восстановления сталинизма, то обязаны уделить самое большое внимание упроче-

нию гуманности. Политические преобразования — те же демократизация, гласность — при всем их гигантском значении могут оказаться недостаточными. История показывает, что и при свободе слова и выборов к власти могут прийти страшные силы. Если общество, располагая политическим инструментарием защиты от деспотизма, недостаточно вооружено против него морально, оно может поддержать его. Диктатура и демагогия идут рука об руку, и по этой причине нельзя переоценивать значимость разоблачений Сталина в роли общественного иммунитета против деспотии. Новая деспотия может прийти под новыми лозунгами, открещиваясь от сталинщины, — и вновь нас обмануть.

Как мы все знаем, долгое время множество наших проблем не решались, а игнорировались или прятались. Сейчас с этой катастрофической линией покончено. Начинаем решать или пытаться решить все, что подлежит решению. Конечно же, это вызывает не только поддержку, но и накал страстей. Уже развернулась борьба различных сил и групп за разные варианты решений. Гуманность, твердая приверженность ей являлась бы определенной страховкой, что споры и разногласия удержатся в каких-то приемлемых рамках. Не выльются в такие страшные вещи, в какие в иных случаях выливался, например, конфликт из-за Нагорного Карабаха. А Тбилиси?

А теперь самый трудный — практический — вопрос: что можно предпринять? Заранее ясно — здесь требуется какой-то огромный фронт самой разнообразной деятельности, как государственной, так и общественной. Но сложность не должна заставлять нас опускать руки.

Уже гласность и демократизация колоссально помогают делу. Мы — через честный разговор о самих себе, через справедливость и открытость решений, через зазвучавшую общественную совесть — станем сильнее. Но надо еще больше и жестче обнажать струи бесчеловечности в обществе. Чем больше возмутимся собой, тем энергичнее будем меняться к лучшему. Идеальная стартовая площадка для нрав-

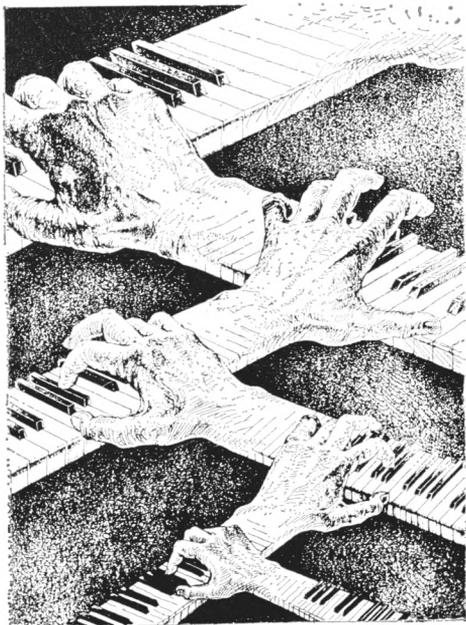

Рисунок Игоря Смирнова

ственного порыва — прийти в ужас от самих себя!

Нужно создавать различные общества и организации, занятые гуманной деятельностью в тысячах ее разновидностей. Не скупясь на затраты. Она могла бы демонстративно поощрять заботу человека о человеке — пропагандой соответствующих примеров, награждением отличившихся на этом поприще. Причем самыми высшими наградами. В Англии, например, как-то наградили наиболее почетным орденом женщину, годами занимавшуюся тем, что помогала переходить через лон-

донские улицы слепым и детям. Разве не мудро? И не заслуженно?

Надо также еще больше оценить в этой связи роль церкви. Ее уже давно пора перестать считать реакционной силой, врагом прогресса и понять, что ее слово имеет громадное значение для нравственного воспитания миллионов людей.

Осознать задачу гуманизации общества и безотлагательно взяться за ее решение — дело жизненной важности для нас. Без этого не будет прогресса — даже чисто материального. Без этого — быть беде.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

*Приносим извинение за задержку
предыдущих номеров. Ответственность
несут совместно редакция, Советский комитет
защиты мира и Главлит СССР.*

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

Разговор с правозащитником — не только о правах

Валерий Абрамкин отвечает на вопросы нашего корреспондента

— Валерий, о вас мне рассказала книжка «С чужого голоса», выпущенная в 1982 году издательством «Московский рабочий» тиражом 75 000 экземпляров, — сборник доносов на демократическое движение 70—80 годов.

«В. Ф. Абрамкин, 1946 года рождения, по профессии инженер-технолог. По отзывам сослуживцев — способный человек, но с непомерной амбицией. В середине 70-х годов стал активно заниматься антиобщественной деятельностью. В 1978 году принял участие в нелегальном изготовлении и распространении журнала «Поиски»...»

Это из статьи Т. Gladкова «Куда заводят «Поиски»?», которая стала гвоздем главы первой: «Под личиной борцов за права человека». Сорок страничек о ваших друзьях — соредаторах журнала (Владимире Гершуни, Юрии Гримме, Петре Егидесе, Раисе Лерт, Глебе Павловском и Викторе Сокирко), об авторах «Поисков», сегодня известных по центральной прессе СССР. Вы один из инициаторов самостоятельного песенного движения, участвовали в создании и выпуске журнала «Поиски». В 1979 году были арестованы и осуждены за свои убеждения. Но и из мест заключения умудрились передавать на волю статьи возмутительного содержания. Как «не вставший на путь исправления», незадолго до освобождения из лагеря, по сфабрикованному обвинению получили второй трехлетний срок. Статья та же, 190-1 УК РСФСР, которая скоро исчезнет из Уголовного кодекса: за клеветнические

измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Не прошло и десяти лет, как правозащитные идеи захватили и перевернули советское общество. Итак, вы боретесь — и вы победили?

— Сразу уточню: мне никогда не приходило в голову считать себя борцом за права человека или просто борцом (тем более, скрываться под «личиною»), а если и доводилось участвовать в каких-либо акциях протеста (например, в тюрьме), то принуждали к этому обстоятельству, но не внутренняя необходимость...

Об «идеях, захвативших общество,» и о влиянии демократического движения 60—80-х на перестройку. Я думаю, никакой прямой связи или преемственности между этими явлениями нет. Непрямую, косвенную связанность можно представить следующим образом. Есть дерево — ствол и множество расходящихся от него ветвей. Общественное движение прошлого двадцатилетия — одна ветвь, сегодняшнее — другая. Она только пробилась из ствола, а куда и как будет разворачиваться — непонятно. Событийный «покров» — внешний вид этих ветвей — не дает ясного представления об их дальнейшей судьбе. Возможно, ветвь 60—80-х исчерпала себя, а может быть, через какое-то время она пробудится, пойдет в рост или даже даст начало второму стволу нашего дерева... Мы оказались как бы во временном разрыве. Вчерашнее, вместо того, чтобы остаться в сегодняшнем одним из уже задуманных продолжений, выступа-

ет границей закончившейся эпохи, обна- руживая ее начало и конец, ее целост- ность, отделенность и масштаб. Новая эпоха требует других сил, иных спосо- бов жизни и форм деятельности, других качеств от людей и своего «языка». И в то же время это иное, другое, новое, свое должно основываться на некоем более глубинном общем, т. е. общем для целого ряда прошедших эпох или, если использовать все тот же образ дерева, исходить из ствола...

— Но именно инакомыслящие пустили в оборот идеи демократизации, гласно- сти, правового государства, свободного рынка...

— Этот список легко продолжить. Разоблачение преступлений сталинизма, критика застойных явлений, националь- ные, религиозные, экологические пробле- мы. Многие (но далеко не все) темы и сюжеты как будто перекочевали из старо- го самиздата на страницы сегодняшней центральной прессы. Большинство литературных произведений, имен, став- ших событиями культурной жизни в по- следние три года, задолго до эпохи гласности были хорошо нам известны по самиздату... Казалось бы уместным по- ставить здесь победную точку, завершив тему известным афоризмом: ересь вчера гонимых стала мудростью сегодняшних реформаторов! Но реальная жизнь вы- страивает вместо точки знак вопроса.

Можно ли утверждать, что перечис- ленные идеи, действительно «захватили общество»? Мне кажется, что они захва- тили только полосы центральных газет. Нелепо считать, что Азербайджан или Средняя Азия, например, «захвачены» идеей правового государства, а населе- ние наших провинциальных городов одержимо идеей свободного рынка — при пустеющих полках магазинов и кооперативах, дерущих три шкуры.

Что это за идеи? Мы не сможем отве- тить на этот вопрос, и ситуация будет оставаться неясной и угрожающей, пока вместо попытки понять, какие идеи мо- гут быть приняты обществом как свои, мы будем биться над вопросом, какие идеи должны захватить общество.

Вообще увлеченность должным, моделя- ми, в соответствии с которыми следует перестраиваться обществу,— старая бо- лезнь российской интеллигенции. Сле- дствие этой болезни (а правозащитники ее не избежали) — общественная глухота к идеям, наработанным демократическим движением в 60—80-е годы. Нельзя сказать, чтоб никакой общественной ре- акции на демократическое движение не было, но с идеями или концепциями пра- возащитников эта реакция мало связана.

— Значит ли это, что вы разочарова- лись в идеях, за которые шла борьба в 70-х годах в правозащитном движении?

— Правозащитная концепция — от- крытость, легальность, идея правового государства, соблюдение прав челове- ка — в той эпохе (или «ветви») опреде- ляла не программу социальных преоб- разований, а формы деятельности, на- иболее соответствующие духу правоза- щитного движения. Мне кажется, суть его не в политическом результате, не в борьбе за идеи и концепции, а в нрав- ственном долге противостоять откры- то лжи, насилию, общественной непра- де. Имелась ли объективная необходи- мость в таком открытом противостоя- нии? Чтобы ответить на этот вопрос, надо преодолеть невинность вошедше- го в обиход определения той эпохи — «застой». Как будто можно было «по- стоять», потоптаться на месте, пока не будет дана команда двинуться дальше! За возможность двинуться дальше, из- бежать поворота к неосталинизму при- ходилось платить полной мерой. Жизня- ми, судьбами людей — героическими, трагическими, странными, страшными, мучительными судьбами... У Бориса Чи- чибабина, поэта, хорошо известного чи- тателю тогдашнего самиздата, есть та- кие строчки:

Будьте вечно такие, как есть,—
не борцы, не пророки,
просто люди, за совесть и честь
отсидевшие сроки....

«За совесть и честь» — не лозунг, не констатация факта, не претензия на бу- дущее признание заслуг,— сверхзада-

ча. Разочароваться можно в результате, в идеях, в себе самом, но не в такой сверхзадаче.

Точно также и «отсуженный срок» — не индульгенция, не право на место в «списке борцов и пророков». Сводить все к такому списку — нелепо и недостойно. Общественное движение (его можно назвать демократическим), которое реально противостояло попыткам консервативных сил загнать страну в русло «сталинизма с человеческим лицом», состояло не только из «отсидевших срок» и правозащитников. Был мощный поток обращений, заявлений к руководству страны с протестами против начавшейся реабилитации Сталина, судебных и внесудебных расправ над инакомыслящими и т. п. в 65—68 годах, был «Новый мир» Твардовского, художники нонконформисты, поэты, прозаики, публицисты, которые не шли на сделки с совестью ради заработка и литературного успеха, была «вторая культура», самиздат, выживший в условиях преследований за счет мужества и бескорыстия своих читателей-издателей-распространителей, неформалы (упомянутое вами в начале беседы КСП, «коммунары»...), национальные, религиозные, профсоюзные, пацифистские, экологические движения... Все эти открытые-полукрытые-закрытые «потоки» составляют новый культурный пласт, о котором сегодняшний читатель имеет весьма смутное представление. Общественное движение 60—80-х годов представляет не только исторический интерес, за ним тот духовный опыт, без усвоения которого многие беды и неясности сегодняшнего дня останутся неразрешимыми. Сейчас нам приходится двигаться наощупь, заново постигая уже открытое и выстраданное. И вот это действительно достойно разочарования и сожаления. Что касается разочарования в перечисленных вами идеях, я и тогда — в 70-х — не был ими очарован. Сама по себе демократия, признание неотъемлемых прав человека — всего лишь форма. Самостоятельную силу все эти вещи приобретают при наполнении своим (для данной культуры), а не заемым содержанием. Гласность, политические, экономические, религиозные свободы необходимы как

условие выхода из застойности, но направление и темп движения «на просторе» определяются вовсе другими силами.

Какими? Ответ на этот вопрос и прежде разделял демократическое движение на различные направления и группы, каждая из которых настаивала на своей «самодельной правде» (термин Владимира Соловьева). Застревание на своей «самодельной правде», стремление навязать ее обществу — случай для нас не уникальный. Уникальны попытки застревание преодолеть. Одной из таких попыток был упомянутый вами журнал «Поиски» (полное его название — «Поиски взаимопонимания»), который выходил в конце 70-х. Это критический для демократического движения период существования, когда явно обнаружилась разрушительная роль взаимонепонимания, ограниченность (в масштабе и формах деятельности) и недостаточность простой совместности, составляющих его «потоков». Совместность могла какое-то время держаться на необходимости противостоять внешнему давлению, репрессиям властей, но такая необходимость привела, в конце концов, к зависимости от внешних обстоятельств. Понятно, что все мы, живущие на этой земле, не можем стать свободными врозь. Но призывы к «консолидации», взаимопониманию сами по себе не делают совместность в действии плодотворной, основательной. Нужна действенная технология преодоления недостаточности «частных правд», их несовместимости друг с другом и традиционной культурой. Выработка такой технологии и была самым трудным делом и главным результатом «Поисков». К сожалению, журналу удалось только наметить направление движения к «общей правде». Усиление репрессий против инакомыслящих в конце 70-х — начале 80-х годов сократило и без того скромные возможности для открытого, свободного диалога. В результате репрессий прекратили свое существование многие правозащитные группы и неподцензурные издания, в том числе и журнал «Поиски». Это было мрачное время для людей, имевших отношение к демократическому движению. Казалось, все общество пребывает в оцепенении и никаких надежд на пред-

отвращение надвигающейся для нашей страны катастрофы не осталось...

— Но в самом начале беседы вы упомянули о своем участии в акциях протеста в тюрьме. Это, видимо, тоже имеет отношение к правозащитной деятельности. Удавалось ли вам добиваться успеха?

— Всякое бывало... Но тут дело не только в успехе или неудаче. Правозащитная деятельность на воле проходила в несколько искусственных условиях, где в формировании ситуации участвовали две силы — правозащитники и власть. Какое-то влияние оказывал Запад. В тюрьме вокруг меня были не единомышленники, а самые обычные люди, которым и дела нет до каких-то концепций и идей. И цена любой идеи тут выявляется довольно точно. Для конкретности один сюжет из моего первого тюремного года.

Бутырки. Июнь 80-го. Камеры переполнены, у нас на десяти квадратных метрах — восемь человек. А тут — жар! Даже ночью, как в парной. Но среднюю раму из окна выставлять не разрешают. Для администрации — лишняя морока: где-то надо эти рамы складывать, а осенью опять вставлять, да и не перепутай куда какую.

В некоторых камерах заключенные не выдерживали — выбивали стекла. Их наказывали лишением передачи, карцером. Я предложил своим сокамерникам добиваться своих прав законным путем. Договорились с заключенными других камер нашего корпуса и в один день подали заявление на имя начальника тюрьмы. Упомянули про нарушения установленных законом санитарных норм, про жару. Просили выставить рамы.

Ситуация для начальства неординарная: за один день добрая сотня заявлений. По закону, надо отвечать в три дня. Но реакции никакой. На четвертый день такой же поток заявлений прокурору города. Жалуемся уже на начальника тюрьмы: не дает ответа в установленный законом срок. Об отправке такого заявления должны — таков порядок — сообщать через сутки каждому из нас. Сообщили только мне. Это показалось особенно обидным моим сокамерникам. Получилось, что их — уголовников,

в отличие от меня — политического — и за людей не считают. Тут было решено не ждать ответа от прокуратуры, а объявить совместную голодовку. В голодовке приняли участие далеко не все — это не заявления писать, — но несколько камер нас поддержали. «Разобрались» с нами в тот же день. Самых строптивых отправили в карцер или в спокойные камеры другого корпуса, а я оказался в одиночке коридора смертников, отрезанного наглухо от остальной тюрьмы. Изолировали меня не только от воли, но и от других заключенных. А там уже о совместных акциях не могло быть и речи.

— А рамы?

— Как ни странно, дошло и до рам. Их не выставили, как мы требовали, но переделали так, чтоб можно было самим открывать, а когда холодно — закрывать. Формально закончилась «акция» поражением: на письма нам не ответили, голодовку сорвали... А неформально — чем не успех? Хоть чуть-чуть, но условия в тюрьме улучшились. И не на одно лето, а на годы вперед.

С тех пор, как уродливый мир наших пенитенциарных учреждений перестал быть запретной темой, мне все чаще кажется, что внутри СССР расположена другая страна, и по отношению к ней мы все — иностранцы. Может быть, сравнение с этой «страной» продвинет нас в понимании того, что мы такое и как нам жить нельзя?

Только что рассмотренный нами сюжет имел свое продолжение, которое относится к вашему вопросу. Уже в «коридоре смертников» со мной беседовал прокурор по надзору по заявлению о рамах. Он признал некоторые нарушения со стороны администрации, назвал их несущественными, а в конце уже за рамками официального разговора сказал: «Да к чему вообще вам были все эти заявления? Записались бы на прием к начальнику тюрьмы, он человек негупый, договорились бы с ним без всяких уголовников».

И вот что получается, даже для человека, который занимается надзором за соблюдением законности совершенно очевидно бесполезность, неэффективность нашего права. Он прекрасно пони-

мает, что все проблемы легче решаются в частном порядке. А не хочешь идти к начальнику тюрьмы — бей стекла!

По этой истории (она типична не только для тюрьмы) хорошо видно, что функционеры государственной машины просто не умеют толком обращаться с механизмом власти, который находится у них в руках. И возникают вопросы, ответить на которые не так-то просто. В чем причина неэффективности нашей власти (неэффективности — не в смысле подавления людей — здесь-то она эффективна — а в смысле стабильности общества и государства, оптимального управления)? В том, что у власти оказываются люди, неспособные справиться с «механизмом?»

Или в том, что сам «механизм» чужероден и для тех, кто управляет, и для тех, кем управляют?

— Так что же такое Архипелаг ГУЛАГ с точки зрения правозащитника?

— На сегодняшний день — это мир, где право как таковое — бессмысленно и бесполезно. Из одной тюрьмы или колонии в другую попадешь как в чужое государство. Если и есть нечто общее, оно определяется не законодательством, а привычными для местной субкультуры формами жизни.

В лагерном жаргоне есть такое словечко — «беспредел». Его обычно производят как призыв, беззаконие, насилие. Но более точное представление о беспределе дает формула из тюремной «науки»: «ты — никто, и звать тебя — никак, будешь делать не то, что ты хочешь, а то, что мы хотим»... И даже там, где беспредела нет, «порядок» в колонии или в тюрьме определяется своим «законом», традициями, жестокими ритуалами, бессмысленными нормами. Право, формальное законодательство здесь ничего не решает, разве что задает некоторые граничные условия, да определяет ту показательную картинку, на создание которой уходит много сил у администрации.

Законодательство может быть каким угодно, оно может быть выстроено исходя из самых гуманных и добрых представлений. Но если оно не учитывает социальные архетипы поведения в этом мире, те негласные задачи, которые ста-

вятся перед системой ИТУ (обязательное выполнение производственного плана, обеспечение показателей и т. п.), — это будет бумажное, мифическое право.

— Может быть, все дело в низком профессиональном уровне работников ИТУ, в том, что они сами не выполняют законы?

— По моему личному опыту, законодательство более строго выполняется в колониях, где существуют самые дикие и жестокие условия жизни, где оно используется лишь для того, чтобы подавлять личность заключенного, жестко контролировать ситуацию в зоне. Кроме того, любая администрация воспринимается заключенными как заведомо враждебная сила. Здесь поляризация на «общество» и «власть», на «мы» и «они» достигает своей крайней точки, в которой невозможно даже мирное сосуществование: идет война, верх берет то та, то другая сила. Бывают временные затишья. Но все, что исходит от администрации, исходит от «врага». Заключенные, которые являются «активом» администрации, считаются (и являются) безусловными предателями как для той, так и для другой стороны. И чаще всего среди этих «активистов» действительно оказываются люди самых низких моральных качеств. А на официальном языке они именуются «лицами, твердо вставшими на путь исправления!» Мне приходилось встречать заключенных с десятком судимостей. Каждый раз они выходили на волю (часто досрочно), совершали новое преступление и попадали в лагерь, чтобы опять «твердо встать на путь исправления». Интересно, что среди заключенных бытует миф о секретной инструкции, предписывающей в случае войны расстреливать всех «активистов» и осведомителей, как потенциальных предателей.

Мне часто приходилось общаться с работниками пенитенциара. Это — разные люди: добрые, злые, законники, беспредельщики, равнодушные и сочувствующие заключенным. Чисто по-человечески мне было интересно, как они сами видят свою работу, мотивы их действий.

Для иллюстрации еще одна картинка: ШИЗО (т. е. штрафной изолятор для злостных нарушителей режима содержа-

ния. Я, например, туда попадал, за «беспорядок в тумбочке», то есть за превышение количества книг, которые положено иметь осужденному). Клетушка в 6 квадратных метров. Обитые железом стены. Вечный полумрак. Окно наглухо «зашторено» рядом решеток и стальным листом с дырочками. Тусклая электрическая лампа за решеткой. В камере — 8 человек. Открывается дверь, заносят девятого. Он в полубессознательном состоянии от потери крови: за два часа трижды вскрывал себе вены, пытаясь добиться отправки в тюремную больницу.

У нас он вскрывался еще пару раз. В бритве, припрятанной на всякий случай в камере, ему не отказывали. Таков неписанный закон: в праве на смерть человеку отказать нельзя. Его выносили. Пока врач накладывал очередной шов, вызванный сюда же замначальника колонии кричал так, чтоб слышно было во всех камерах: «Сдохнешь! Все равно мы тебя никуда не отправим.» Придя в себя, этот «девятый» попытался распороть себе живот и диафрагму — местные врачи накладывали внутренний шов не решились бы. Но неудачно, диафрагма осталась незадетой. Живот зашили, надели наручники и бросили в одиночку.

Через неделю меня вызывают на беседу к тому самому заму. Разговорчивый, приветливый человек. Любит поболтать на свободные темы, поиграть в либерала. Жестокость и бессмысленность пенитенциарной системы прекрасно понимает. Сокрушается по поводу того, что людей здесь окончательно губят. Рассказывает про сына. И тогда я спрашиваю: «Неужели вам того мальчика, которого вы заставили себя калечить, не жалко. Он же ровесник вашему сыну». «Жалко», — говорит зам, — но мне и других жалко. Тех, которые уступили в этот раз, тоже резаться будут. И они не врет. Действительно будут, раз был прецедент и появилась надежда «переменить судьбу», выбраться отсюда хоть куда, пусть в тюрьму, но другую. А зам добавляет: «Думаешь, я уйду — иначе будет? Или зверь, что был тут до меня, лучше?» И я знаю: действительно не лучше. Такая вот непростая ситуа-

ция, из которой логически нам не вырваться...

Хотя бывали и другие. В одной из колоний, где я сидел, работал один (единственный) удивительный начальник отряда. Заключенные говорили о нем: «Справедливый мужик! И накажет, так за дело. Главное, поговорит, подойдет по-человечески». А законником он не был и рационально «проблем» не решал. Там, где не слишком заметно было, в нарушение режима давал людям жить по-человечески. Особенный человек. С точными и для заключенных понятиями о справедливости.

— Но что-то же нужно делать! ГУЛАГ расплскивается по всей стране, выходит из берегов... Получается, что на выходе из пенитенциара общество получает еще большего преступника, чем имело на входе.

— Любые проводимые в жизнь преобразования — и это общий закон — должны основываться на точном знании объекта. А не исходить из неких общих представлений и соображений, что демократизация, гласность, большие свободы могут сами по себе восстановить разрушенную жизненную ткань.

В действующем законодательстве перед исправительно-трудовыми учреждениями поставлены цели искоренения, преступности, ликвидации ее социальных корней, исправление и перевоспитание осужденных в духе точного исполнения законов, честного отношения к труду, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами. И все эти цели, кроме первой, перенесены в Проект нового уголовного законодательства. Согласитесь, однако, что добиться этих целей можно разными способами — в том числе, словам человека физически и духовно, доведя его до скотского состояния. С таким «исправленным» особым проблем не будет, и в смысле точного исполнения законов, правил, и в смысле готовности делать, чего прикажут: точить ли болты, убивать тех, кто еще не исправился... Для «других», которые глухо упоминаются в последней из этих целей, главным побуждающим мотивом к «точности», «честности», «уважению», «несоверше-

нию» должен, по-видимому, стать страх, перспектива угодить на острова ГУЛАГа. Но если говорить о реальных целях, которые могут быть поставлены перед любым пенитенциарным учреждением, даже в идеальном случае, то главное — это не сделать человека, попавшего туда, хуже. То есть создать человеческие условия исполнения приговора, условия, в которых возможно сохранить здоровье и личность осужденного. Он должен быть защищен и от произвола администрации, и от беспредела блатных. Это первое необходимое условия для возможной корректировки личности преступника, восстановления в нем нормальной системы ценностей—единственно надежной основы для социальности человека.

Кажется, что этой цели отвечает огромное количество предложений по гуманизации пенитенциарной системы, которые появились в последнее время в печати: уменьшение сроков наказания, улучшение быта, питания, медобслуживания, расширение возможностей для образования, работа по специальности, создание службы психологической помощи, введение действенного общественно-го контроля.

Увы, осуществление любого из этих гуманных предложений может привести к прямо противоположным результатам. Как мне кажется, любое преобразование должно опираться на звание системы реальных социальных взаимодействий в конкретном пенитенциарном заведении. К примеру, наилучшие бытовые условия созданы в колониях для малолетних преступников, где, как всем известно, чудовищное положение в смысле защиты и сохранения личности детей.

Предварительные исследования социальных взаимодействий в среде заключенных, проведенные общественной группой «Турьма и воля», позволили сформулировать рабочую гипотезу о наличии кроме административной, еще двух неформальных социальных структур: криминальной, блатной и нормальной. Оказывается, что и в неволе человек стремится к созданию эквивалентов нормальной жизни. Это так называемые семьи, землячества и т. п. Семья в зоне — это несколько человек, которые ведут общее хозяйство, защищают, оберегают друг

друга. И только эти, естественно возникшие группы, пытаются противостоять блатному и административному беспределу. На это стремление человека — и в условиях неволи построить свою жизнь как нормальную — необходимо опереться. Для таких первичных групп с помощью законодательства, организационных мер нужно создать режим наибольшего благоприятствования. А что касается криминальных структур, которые в настоящее время гораздо сильнее, чем административная, определяют жизнь заключенных, то и на них можно воздействовать.

Существует, например, определенный порядок: за каждым столом заключенные рассаживаются в соответствии с тем положением, которое они занимают в лагерной иерархии. Самый авторитетный первым наливал себе баланду из общего котла. И ему, естественно, достается все самое лучшее. Следующий по рангу ведет себя также. В результате, последнему остается одна вода. Можно ли изменить этот дикий порядок? Этот вопрос встал передо мной, когда я сам попал за такой стол.

Понятно, что заводить дискуссию о справедливости беспечно. И набить морду этому «авторитету» не только рискованно, но и бессмысленно. В разговоре я сделал вид, что не замечаю его жлобства, и сказал, что он, в отличие от других «авторитетных», человек справедливый, «настоящий вор», который прежде всего заботится о том, чтобы простой работага не остался голодным. Как человеку, претендующему на роль справедливого лидера, ему мои слова были приятны. Он начал делать все, чтобы им соответствовать. Постепенно порядок за нашим столом, характерный для криминальной структуры, стал соответствовать семейному.

То есть и в такой сложной ситуации успеха можно добиться, воздействуя на неформального лидера, стараясь нормализовать его систему ценностей.

— Хочешь что-то изменить — воздействуй на того, кто разливает суп,— стоило ли ради этого знания провести шесть лет в неволе?

— Ответу картинкой: мое первое тюремное впечатление. Камера предварительного заключения. Открывается дверь.

На пороге — «мент». Стоит и смотрит на меня. Молчит. И я молчу. И вдруг: «Что, парень, за правду сидишь?» Честно говоря, я растерялся, — что ответить? Просто повторил за ним: «За правду». «Есть хочешь?» — «Нет, — говорю — не хочу. Только из дому». «Ну, ничего, — говорит — сейчас что-нибудь сообразим». Минут через десять — я уже задремал, — дверь открывается и входит тот же «мент» с кружкой густо заваренного чая, куском хлеба, сахаром. Поставил все на нарты. Мне показалось, он что-то еще хотел спросил, да в коридоре послышались шаги... Дернувшись к двери, он уже на пороге обернулся: «Ну, ничего, парень, держись. Все будет хорошо».

Такое вот начало. Потом, уже в тюрьме, эту краткую формулу «состава преступления» мне повторяли неоднократно и те, с кем я сидел, и те, которые меня охраняли. Интересно, что когда пытаешься объяснить подробнее, за что посадили, никто всерьез не принимает слова о журнале, о правозащитной деятельности, о действиях в рамках закона и т. п. Все это считается понятной осторожностью. И я убедился, что

бессмысленно пускаться в подробные объяснения. С точки зрения людей, меня окружавших, сидеть за идею правового государства, например, просто смешно, это было бы какой-то блажью, бредом. А за правду — это понятно. За правду можно и пострадать.

И постепенно стало очевидным: вся так сложно выстроенная концептуальная основа правозащитного движения для обыкновенных людей, с которыми я провел шесть лет в неволе, никакой ценности не представляет. Но почему-то им было необходимо убедиться в реальном существовании человека, который платит своим благополучием и своей жизнью за правду. Именно это давало им надежду на осмысленность и основательность жизни.

Я уходил в тюрьму с ощущением, что почти все наше общество пребывает в духовном оцепенении, равнодушии, а в «мертвом доме», среди ужасов и дикости, в людях, меня окружавших, открыл стремление к правде, Добру, справедливости...

Может быть, здесь и надежда на то, что нам удастся выжить?

Беседу провела Алла ГЛЕБОВА

В. Вернадский:

«ПЕРЕСМОТРЕТЬ ВСЕ ОСНОВЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ»

Хотя минувший год был юбилейным «Годом Вернадского», фигура этого мыслителя, его биография и взгляды остаются не вполне открытыми для нас.

Жизнь Владимира Ивановича Вернадского в революционную эпоху подчас висела на волоске. Так было в ноябре 1917 года, когда по приказу Военно-революционного комитета его искали, чтобы арестовать и отправить в Кронштадт: ему пришлось бежать из Петрограда на Украину. И в конце 1920 года, когда в только что взятом красными Крыму, Вернадский выразил свое отрицательное отношение как к белому, так и к красному террору: его выслали из Крыма в распоряжение Москвы как «нежелательный элемент». И летом 1921 года, когда Вернадский был арестован в послекронштадтском Петрограде: его спасло личное знакомство вице-президента Академии с влиятельным в ту пору в Питере комиссаром Балтфлота.

Вернадский открыто защищал свою позицию убежденного федералиста против взглядов «самостийников» во время пребывания последних у власти. С другой стороны, после прихода в Киев Добровольческой армии (а вместе с нею и гонителей украинства) боролся за сохранение юной Украинской Академии наук и украинских культурных учреждений.

В октябре 1918 года, сразу после избрания президентом Украинской Академии наук в Киеве, он публично заявил о своем выходе из конституционно-демократической партии, где был до этого одним из лидеров левых кадетов и бессменным членом ЦК: по его мнению, организатор науки и глава Академии в принципе должен быть беспартийным.

Раз и навсегда прервав таким образом свою политическую деятельность, Вернадский не отказался, конечно, от выражения своего мнения. В его статьях, выступлениях, записках сохранились острые формулировки и нелицеприятные оценки разных политических лагерей.

Неискущенного читателя, вероятно, удивит смелость, с которой во врангелевском Крыму Вернадский заявляет широкой аудитории, что старая Россия «никогда не вернется». Неожиданной у крупнейшего естествоиспытателя кому-то покажется мысль о благотворном взаимодействии научных и религиозных исканий (3 апреля 1921 года ученый записывает в дневнике, что «научное развитие не может идти без одновременно живой работы мысли в философии и религии»). Непривычно для нас критическое отношение Вернадского к существующим системам политической экономии («Можно с тем же правом, как говорят об эксплуатации рабочего, говорить об эксплуатации капиталистами и рабочими в совокупности творцов и создателей орудий производства», — пишет он 21 июля 1917 года жене). Противоречивым — но только на первый взгляд — может выглядеть требование Вернадского о всемерной государственной помощи «научному творчеству нации» при сохранении полной свободы научного творчества и широкой автономии научных учреждений (избранный ректором Таврического университета, Вернадский 31 октября 1920 года обратился к студентам с речью, в конспекте которой имеется следующий абзац: «Свобода наук и свобода преподавания. Автономия, но не анархия. Задача автономии: сво-

бода извне, организации внутри»). Недоумения, могущие возникнуть при чтении нижеследующих текстов,— естественны и преходящи.

Публикуемые тексты относятся к 1920 году. Шероховатости стиля, встречающиеся в беглых записях, сделанных Вернадским для себя, сохранены.

ИЗ ДНЕВНИКА В. И. ВЕРНАДСКОГО

Наблюдая современную жизнь развала, поражаешься одной явной аномалии. На поверхности, у власти и во главе лиц действующих, говорящих, как будто дающих тон — не лучшие, а худшие. Все воровы, грабители, убийцы и преступные элементы во всех течениях выступили на поверхность. Они разбавили идеологов и идейных деятелей. Это особенно ярко сказывается в большевистском стане и строе — но то же самое мы наблюдаем и в кругу добровольцев и примыкающих к ним кругов. И здесь теряются идейные, честные люди. Жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу. Но что внутри? Жизнь моя сталкивает меня с огромным количеством людей, голос которых не слышен сейчас — но которые являются здоровым элементом будущего. Несомненно они есть во всех группах и во всех течениях и в примыкающих к большевикам и к добровольческим силам. Много из них гибнет жертвой долга и случайности, и эта гибель гораздо страшнее смерти тысяч безразличных людей или всего того шлака, который выпала сейчас на поверхность. Но эти ростки будущего, которые не связаны ни с одним строем, дают мне ясную и глубокую надежду на быстрое возрождение. Несомненно, переживаемая революция дала большему числу и этих людей выйти на поверхность, как только создадутся условия для гибели шлака. А долго он существовать не может, так как он сам себя истребляет и уничтожает и скоро становится невыносимым всем (15 марта 1920).

Чрезвычайно важное и интересное явление в духовной области происходит, мне кажется, в русской общественности

Сейчас усиливается осознанное углубление в православную философию, если можно так выразиться. Начинают понимать тот не осознанный русским обществом процесс русской богословско-философской мысли, который шел в этой области духовной жизни человечества. Входят в сознание русского общества и старые и новые богословы и мыслители. Это совершается в момент великого изменения научной области, когда становится недостаточным старое представление о мире, как механическом построении (все равно, динамическом — движении, или статистическом — равновесие). Видно проявление еще чего-то, во многом созданного интуицией богословского и философского проникновений. Мне кажется, оно не приведет к восстановлению христианства, но может привести к новой форме религии. Вопрос другой, к чему оно приведет. Важно то, что появляется в мировой культуре, в формах проявления, теснейшим образом связанных с современной наукой и философией, впервые после великих отцов Восточной церкви первых веков христианства, независимая от еврейского, протестантского и католического богословско-философского мышления православная богословско-философская мысль. Мне говорил Зеньковский, что движение мысли в этой области было и среди новых греков. Я думаю, что такое введение нового течения важно не только потому, что оно проявит новые черты духовного проявления человечества (как русская музыка или русский роман), но и потому, что дает еще новую опору для проникновения в неизвестное, которое идет таким тяжелым и сложным путем в об-

ластях, куда еще не проникла научная мысль (23 марта 1920).

Я подавлен эти дни массой нового, которое открывается кругом, нам неизвестного — так как мы отрезаны от настоящего мира, и становится мне известным урывками, из осколков английской и отчасти французской литературы, которая попала к нам в налаживавшиеся было сношения с цивилизованным миром в последние недели Врангелевского управления.

Несомненно кругом происходит величайшая революция, перед которой ничтожна та социальная и политическая, которую мы так тяжело переживаем.

Трудно даже оценить всю глубину переживаемого нами теперь потрясения.

Очень возможно, что люди подошли сейчас к самым основам метафизики и помимо научного революционного движения происходит великий переворот в метафизическом мышлении.

Когда я иногда пытаюсь мыслию охватить переживаемое и проникнуть в возможные его последствия для будущих поколений, я совершенно поражен той картиной, которая при этом мне открывается.

Как молнией освещенные, рисуются картины будущего, напоминающие фантазии Уэллса, Лассвица... Но и те перед ними блекнут.

Некогда сосредоточится и набросать

(4 декабря 1920).

ИЗ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ К ВЫСТУПЛЕНИЯМ

Нет сейчас вопроса более грозного и более важного, чем вопрос о народном образовании.

Нет вопроса, о котором мы должны были бы больше думать и больше рассуждать, даже если в данный момент мы бы могли по нему мало сделать.

Ибо придет время, когда не будет времени об нем думать, а надо будет решать. И трудно будет решать русскому обществу, которое об нем не успело достаточно подумать и пережить его.

Ибо сейчас нельзя жить по старым рецептам, особенно таким, какие были у нас в этом отношении за последние десятилетия.

Я думаю, что в значительной мере все переживаемое находится в теснейшей связи с той легкомысленной небрежностью, с какой русское общество поколениями относилось к вопросам народного образования.

Мы должны пересмотреть все основы нашей жизни — пересмотреть смело, до конца, тронуть самое дорогое — ибо в том, что произошло, мы все виноваты, и мы все обязаны понять урок жизни и найти выход из того положения, в ка-

ком мы сейчас находимся,— из междоусобной войны, из царства нищеты, голода, морального издевательства, диктатуры, не оставившей человеку ни одной свободной стороны жизни.

В народном образовании заинтересованы государство, семья, человеческая личность, общественные организации.

С ним связаны теснейшим образом такие творения духовной жизни человечества, как наука, философская мысль, религия, художественное творчество.

Я приступаю со страхом и смущением к изложению, так как тема огромна и т. д.

Но делаю это потому, что 1) важнейшая задача сейчас для русского общества — передумать основы будущей России. Придет момент — придется действовать, будет поздно думать, 2) необходима самая беспощадная до конца проверка всех убеждений и вер.

Старая Россия не вернется. Реставрация старого государственного строя после пережитого так же невозможна, как реставрация старого русского общественного строя и старой интеллигенции.

Новая Россия может быть охарактеризована в немногих чертах:

1. Сохранение единства России в смысле великого государства. Русское общество не понимало и не ценило великого блага — большого государства.

2. Неосуществимость старого централизма власти — того централизма, который характеризует старую Россию и до известной степени теперешнюю советскую.

Россия может быть только федералистичной или состоящей из широко автономных провинций. Для организации народного образования это имеет огромное значение.

3. Какая бы власть в России ни была, монархическая или республиканская — безразлично, невысказано то давление на внутреннюю жизнь общества, какое производилось или производится, например, монархической самодержавной властью старой России или же диктатурой коммунистов при республиканской организации власти.

4. Немыслима организация государства при бесправном — *de jure* или *de facto* — положении творческих производительных сил страны, из них главнейшие — крестьянство и интеллигенция. В той или иной форме это наблюдалось в самодержавной России и наблюдается в советской.

Очевидно, русская интеллигенция после пережитого будет не та, как была раньше. Этот перелом совершается и составляет огромную силу будущего. Реставраторы политического строя старой России и идеологи старых задач интеллигенции, ничему не научившиеся и не вздрогнувшие в своих основах от происходящего, явно не имеют будущего.

Я попытаюсь указать те черты своего «я», которые интеллигенция русская долж-

на неизбежно потерять. Приобрести она должна следующее. Школа должна будет считаться в своей организации с тем, что

1. Интеллигенция русская наконец почувствует то значение и ту силу, которые должна иметь для блага и роста государства. Она творец культуры, и она является эксплуатируемой etc.

2. Русская интеллигенция все время носила восточные черты безразличия к свободе. Идеино не было на Европейском континенте другой интеллигенции, которая так мало бы ценила свободу личности...

3. Русская интеллигенция чрезвычайно мало была связана с производительным трудом.

4. Русская интеллигенция была безразлична к одному из величайших проявлений духовной жизни человечества — религиозной жизни.

5. Русская интеллигенция не была связана с государством и не ценила государственности.

6. В связи с этим, с чертами героев старого крепостничества, Обломова и героев Чехова, русская интеллигенция не проявляла в достаточной мере активности и не защищала свои интересы, то есть интересы духовной силы русского государства. В новой России мы встретимся:

1) С государством единым, великим по размеру, федеративным или <с> автономными провинциями.

2) Обеспечивающим свободное проявление и жизнь человеческой личности при активной, влиятельной, занятой производительным трудом, живой в религиозном отношении, защищающей свои права и охраняющей государственность интеллигенции.

(Октябрь — ноябрь 1920)

Публикаторы: ПЕРЧЕНОК Ф. Ф.,
РОГИНСКИЙ А. Б.

Редакция намерена продолжить публикацию работ В. Вернадского в последующих номерах.

В БЮРО ПРЕЗИДИУМА СКЗМ

Обсудив обращение Грузинского республиканского комитета защиты мира к Бюро СКЗМ и народным депутатам СССР от СКЗМ и других миротворческих общественных организаций в связи с трагическими событиями в г. Тбилиси 9 апреля 1989 г., вызвавшими человеческие жертвы, Бюро СКЗМ поддерживает и одобряет активную позицию, занятую Грузинским республиканским комитетом защиты мира, и присоединяется к оценкам и выводам, содержащимся в обращении (текст обращения прилагается).

Бюро постановляет:

1. Рекомендовать народным депутатам СССР от СКЗМ и других миротворческих общественных организаций исходить из этого при обсуждении данного вопроса на Съезде народных депутатов СССР.

2. Направить обращение и постановление Бюро СКЗМ во все местные комитеты защиты мира.

3. Опубликовать обращение и постановление Бюро СКЗМ в бюллетене «Век XX и мир».

ОБРАЩЕНИЕ

ГРУЗИНСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ МИРА

Грузинский республиканский комитет защиты мира обращается к вам в связи с известными трагическими событиями, имевшими место в Тбилиси 9 апреля 1989 года, вызвавшими глубокое возмущение советской и мировой общественности.

Свой протест против жесточайших, антигуманных методов, примененных при разгоне мирной демонстрации, Грузинский республиканский комитет защиты мира высказал в официальном заявлении сразу же после разыгравшейся 9 апреля на проспекте Руставели кровавой драмы, потребовав также скорейшей отмены введенного в городе комендантского часа. Члены комитета активно включились в работу по восстановлению нормального ритма трудовой и общественной жизни, в деятельность комиссии Верховного Совета Грузинской ССР по расследованию обстоятельств событий 9 апреля.

Комиссия еще не завершила свою работу, однако, выявленные уже в процессе расследования факты доказывают антигуманный, преступный характер данной акции, направленной против народа, против идей демократизации и перестройки.

В разгоне манифестации участвовала армия и спецвойска МВД. После использования для устрашения демонстрантов танков и бронетранспортеров были пущены в ход дубинки, саперные лопаты и отравляющие химические ве-

щества. Вслед за беспощадным избиением демонстрантов на площади перед Домом правительства солдаты продолжали преследовать их, врываясь в помещения и добывая свои жертвы. Жестоко избивались и сотрудники милиции, прикрывающие женщин и детей, в результате чего многие из них получили тяжелые ранения. На месте трагедии погибло 16 человек, 14 из которых женщины (старшей из них 70, младшей — 16 лет), трое скончались в больнице, один был убит во время комендантского часа (28-летний отец двоих детей — в момент, когда сообщение о введении комендантского часа не было доведено до всего населения). Даже сегодня, спустя полтора месяца после карательной акции, состояние многих отравленных остается крайне тяжелым.

Возмутительным, бесчеловечным актом, нарушением элементарных человеческих и правовых норм явилось применение против демонстрантов химических отравляющих средств. Не менее возмутителен долгий и упорный отказ военного командования признать их применение (за исключением признания — и то лишь через несколько дней — слезоточивого газа кратковременного действия, именуемого «Черемухой»). Тем временем выявилось действие отравляющих веществ на обширной территории вокруг места событий, их проникновение во многие здания, в том числе средней школы № 1, Дворца

пионеров, Театрального института, в результате чего занятия в них были прекращены. С признаками острого химического отравления в медицинские учреждения обратилось до четырех тысяч человек, из которых на стационарном лечении находятся до 500, некоторые в исключительно тяжелом состоянии.

В этих условиях группа отравленных больных объявила голодовку (в дальнейшем их заменили молодые люди, вызвавшиеся голодать вместо больных) с требованием сообщить название и состав всех примененных против демонстрантов отравляющих химических веществ, назвать соответствующие способы лечения и призвать на помощь международные здравоохранительные организации. Лишь под настойчивым давлением общественности и активного вмешательства в дело академика А. Д. Сахарова и других авторитетных общественных деятелей — народных депутатов СССР, военными были официально признано применение, наряду с «Черемухой», печально известного по вьетнамской войне отравляющего химического вещества Си-Эс (см. «Известия» от 6 мая с. г.). Применение данных, а также других отравляющих веществ было подтверждено прибывшей недавно в Тбилиси комиссией авторитетных экспертов Международного Красного Креста.

Не меньший протест вызывает также позиция ряда средств массовой информации, которые долго и упорно отказывались говорить правду (даже после потрясающих по силе убедительности репортажей народных депутатов СССР Е. Яковлева, Б. Васильева, М. Беликова, А. Гельмана, Д. Лунькова, Э. Шенгелая в «Московских новостях», в телепрограмме «Взгляд», журналиста Ю. Роста в телепрограмме «До и после полуночи»). В то время, когда о тбилисской трагедии уже писала вся мировая пресса, некоторые советские средства массовой информации все еще предпринимали попытки дезинформировать население, скрыть или извратить, по мере возможности, истинный характер и масштаб происшедшего, способствуя своими публикациями разжиганию межнациональной вражды.

Тбилисскую трагедию и ситуацию вокруг нее нельзя оценить иначе, как целенаправленную подрывную акцию антиперестроечных сил, акцию, направленную на срыв процессов демократи-

зации советского общества, как попытку скомпрометировать внешнюю и внутреннюю политику СССР. Ведь советские предложения об отказе от химического оружия, уничтожении всех его запасов звучат по меньшей мере неубедительно на фоне использования этого оружия против собственного народа.

Именно так оценивают данные события советские активисты антивоенного движения, представители ряда республиканских и местных комитетов защиты мира, выражающие нам в письмах и телеграммах свое возмущение, поддержку и сочувствие, высказывающие глубокую тревогу за судьбу перестройки. «Выражаю соболезнование и скорбь о погибших, глубокое возмущение кровавой расправой» — пишет нам, к примеру, председатель Омского областного КЗМ тов. Самосудов, — готовы поддержать немедленный созыв пленума Советского комитета защиты мира для рассмотрения этого вопроса, выражения решительного протеста против использования армии в полицейских целях, наказания виновных».

Мы обращаемся к Бюро Советского комитета защиты мира, ко всем народным депутатам СССР, избранным по линии СКЗМ, Советского фонда мира и других общественных организаций, участвующих в советском движении за мир, с призывом занять активную и принципиальную позицию в оценке происшедших в Тбилиси трагических событий, поддержать депутатский запрос и заявление, с которым намерены выступить на Съезде народных депутатов СССР депутаты от Грузии, и присоединиться к их требованию об оценке происшедшего в Тбилиси события как к акции преступной и антигуманной, потребовать полного выявления и разоблачения всего механизма совершения данного преступления, наказания всех виновников кровопролития и массового отравления мирного населения, а также добиваться необходимых изменений в политической системе СССР, гарантирующих построение истинного правового социалистического общества с учетом национальных прав и интересов всех суверенных социалистических государств — членом Союза ССР.

**ПРЕЗИДИУМ
ГРУЗИНСКОГО
РЕСПУБЛИКАНСКОГО
КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ МИРА**

БОЛЬ ГРУЗИИ —

ОБРАЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ МОСКВЫ К НАРОДНЫМ ДЕПУТАТАМ, ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР, ПРАВИТЕЛЬСТВУ, ПАРТИИ

9 апреля нынешнего года на территории нашей страны произошло событие, ставящее под сомнение существование цивилизации и не в меньшей мере, чем авария в Чернобыле.

Вооруженные мужчины ночью, на площади крупного города, под защитой танков и бронемашин, убили дубинками и саперными лопатками не менее полутора десятков девочек-подростков, молодых женщин, а заодно врача, престарелую женщину и еще несколько человек. Убийцы сопровождали эту бойню нецензурной бранью и криками: «Свободы захотели!» Факт убийства подтверждают очевидцы. Очевидцы также сообщают, что группа подростков была расстреляна баллонами с сильно действующим отравляющим веществом, противоядие от которого гражданской медицины неизвестно. На просьбу врачей сообщить секрет для спасения умирающих, из Москвы ответили: «Это военная тайна».

Массовый бандитский акт сам по себе не может не вызвать тяжелого шока у любого нормального гражданина — независимо от взглядов и убеждений. Но особенно страшным и непостижимым является то, что этот уголовный акт был совершен на основании военного приказа людьми, находящимися на военной службе в армии или во внутренних войсках.

Спецвойска были брошены против девушек, против женщин. Какая армия в мире, когда могла позволить себе такое?

Мы не знаем, кто отдал приказ. Мы знаем другое. Уголовные методы в политике были применены и доведены до массовых масштабов режимом сталинизма. Но тогда это совершалось за стенами лубянок и проволокой лагерей. Ныне, когда сталинизм разоблачен, а в стране провозглашено правовое государство, — провокационные силы вывели уголовщину в военной форме на улицы наших городов.

МИТИНГ? ДА, МИТИНГ

В. ЧАЛИКОВА

Само по себе требование о заблаговременной заявке на проведение митинга разумно. В любом обществе много проблем и много групп, озабоченных этими проблемами — поэтому надо их как-то распределить во времени и пространстве. Но это разумно только по отношению к **ежедневно-долгосрочным** проблемам. Если технология производ-

ства продуктов нарушается постоянно, группе, пытающейся взять под контроль этот процесс, несущественно — в ту или эту среду собраться.

Иное дело — редкие и потрясающие события народной жизни, счастливые или печальные. Тут бумаги, запросы, санкции так же неуместны, как избрание президиума на похоронах или

БОЛЬ РОССИИ

МЫ НЕ ЗНАЕМ, КТО ОТДАЛ ПРИКАЗ ОБ УБИЙСТВАХ В ТБИЛИСИ. Но мы хорошо и давно знаем, что такое неизбежно должно было случиться после того, как Президиумом Верховного Совета был принят Указ «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР». Общественность Москвы, так же как и других городов, предупреждала о возможности подобных последствий. Тысячи граждан, включая авторитетных юристов, выступали, подписывали обращения к власти с требованием изменения этих антиконституционных, бесчеловечных указов о спецвойсках.

Сегодня те, кто составлял и принимал эти указы, не могут заявить что не ведали о последствиях, что виноваты «стрелочники». Непосредственные виновники, те, кто убивал, должны понести уголовную ответственность, но те, кто способствовал созданию возможности этого преступления, должны понести ответственность политическую.

МЫ ТРЕБУЕМ:

1. Немедленной отмены указов, дающих неограниченные возможности расправы с мирным населением войскам спецназначения. Они должны быть отменены так же срочно, как были приняты.

2. Публично огласить результаты работы правительственной комиссии, созданной для расследования обстоятельств убийств в Тбилиси и в других местах. СДЕЛАТЬ ДОСТОЯНИЕМ ГЛАСНОСТИ РОЛЬ СПЕЦВОЙСК В ЭТИХ СОБЫТИЯХ. Ввести в комиссию народных депутатов, ученых, писателей, юристов и других представителей общественности.

3. Гласного публичного обсуждения, в том числе и на Съезде народных депутатов СССР, призванного установить, кто несет политическую ответственность за воспитание в спецчастях подобной варварской этики и кто ответственен за применение этих частей без подлинной необходимости и способом, подобным тому, каким они действовали в Тбилиси.

Обращение зачитано на митинге общественности Москвы 16 апреля 1989 года у Грузинского культурного Центра на улице Старый Арбат. Митинг проведен по инициативе клубов «Московская трибуна», «Демократическая перестройка», «Московский народный фронт», «Мемориал» и др.

свадьбах. Промедление здесь смерти подобно, а выигрыш времени означает порой усиление шансов победы добра над злом.

«Мы пришли оплакать, мы пришли разделить горе сестер и братьев из Грузии, разделить их скорбь и гнев. На похороны не нужно разрешений» — это были первые слова Андрея Дмитриевича Сахарова на «несанкционированном» траурном митинге 16 апреля. Старый

Арбат, проливной дождь, но многие мужчины без шапок, слезы. Гвоздики на ступеньках Грузинского культурного Центра — их принесла Армянская община. Андрей Вознесенский, Юрий Карякин говорят, не похоронить бы перестройку вместе с забытыми насмерть, задохнувшимися, растоптанными людьми на тбилисской площади. Особо трогает выступление пожилого грузина: он не возмущается, он молит: «Мы приняли детей Чернобыля. Мы первыми были в разрушен-

ных городах Армении. У нас непереносимое горе. Не оставьте нас одних!»

С горечью вспоминают, как общественность страны, известные юристы предупреждали: сточка в Указе 17 июля о **неподчинении войск спецназначения местным властям** — бомба замедленного действия. Сколько раз она уже взрывалась: Москва, Звартноц, Минск, Тбилиси. «Если меня изберут, буду бороться с этим указом!» — обещает Андрей Сахаров.

Арбатский митинг прошел за 25 минут с огромным внутренним напряжением и абсолютной внешней собранностью и тишиной. Загородившие (зачем?! выход с Арбата машины, милиция, войска с дубинками остались незадействованными. Но все висело на волоске! Полковник вежливо, но твердо требовал у меня разрешения. Но откуда? Только накануне вечером (на Московской трибуне) мы услышали писательницу Галину Корнилову и других очевидцев, уточнили детали. Если рядом упал, обливаясь кровью, человек, бежишь не за разрешением — за «скорой»...

Но был ли наш митинг «скорой помощью» для **пострадавших**? Спросили их — Эльдара Шенгелая, Резо Чхеидзе, Лалу Гогоберидзе, грузинских ученых, врачей. И их ответ снял все сомнения: вещь о солидарности, горе, гневе москвичей (переданная — увы! — не нашим радио) — не просто согрела — она вступила в единоборство с самым непереносимым и опасным **по своим социальным последствиям** чувством на свете — ощущением своей покинутости, затравленности, горького одиночества. От этого чувства пронеслись в прошлом году по Армении «телевизионные инфаркты»: у людей, глядящих на лгущий экран, разрывалось сердце.

«Правда, вас было так мало, — грустно сказали нам. — Можно ли считать, что вы представляете русский народ и другие народы?» Следующее после митинга на Арбате воскресенье показало: можно — **тысячи людей** пришли доказать, что ни преступники, отдавшие приказ

об уничтожении невинных, ни обезумевшие исполнители не имеют никакого отношения ни к какому народу. Их **нация — преступность**.

И, понимая, что значит для мирных, уважаемых, добрых отношений народов **такая** демонстрация, выборная Конференция АН СССР 20 апреля обратилась в Моссовет с призывом **не распространять на этот акт доброй воли и солидарности** Указ о порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Конференция обязала Президента АН СССР Марчука передать властям обращение, и, как сообщил мне А. Д. Сахаров, это было сделано. С ужасом и брезгливостью смотрю на книжечки о «расцвете и слиянии» в нашей библиотеке... Где их авторы? Не они, а простые люди пришли на Пушкинскую площадь поддержать дружбу народов и пострадали за святое дело, заплатив кто — штрафом, кто — посадкой на десять-пятнадцать суток, а кто и увечьем. Их имена будет знать Грузия, как имя того единственного солдата, который под мат командира поднял на руки окровавленную девочку и пытался вынести ее из толпы: Андреевский.

«Вы нас защитите, если что?» — спросила я на Старом Арбате офицера милиции. — В Грузии милиционеры не жалели себя, защищая демонстрантов от солдат». Он был изумлен. Но от кого же нам ждать **защиты**, как не от мужчин в форме защитников порядка?

Я даже рискованно предположить, что отношение самой милиции к такого рода митингам — двойственное. 16 апреля не смотря на угрозы, нас не «разгоняли». 23 апреля разгоняли только ту часть, которая сдвинулась с Пушкинской на транспортный отрезок, разгоняли жестоко, хотя эти люди (частью просто прохожие) и рта раскрыть не успели. Но были речи на Тверском и Бронной, шествие по Старому Арбату — их не трогали. Моему другу парень из оцепления сказал: «Мы на службе. Мы должны ее исполнять, даже если что не нравится. А вы боритесь с тем, что не так».

* * *

Поправка. В части тиража № 4 прошла опечатка. На с. 9, в правой колонке, седьмой строке сверху следовало напечатать вместо «многонациональный» «мононациональный».

Бюллетень «Век XX и мир» № 6 (на русском языке), ежемесячный.
Напечатано в СССР. Ордена Трудового Красного Знамени типография
«Известий Советов народных депутатов СССР». Москва. Заказ 1644.
Сдано в набор 22.04.89. Б 01010. Педписано в печать 5.06.89.
Объем 3 п. л. Тираж 102500 экз. (1-й завод, 1 — 60000 экз.)

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XX^È SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

